

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ДЖЕНА
ШОУОЛТЕР

Владыки Преисподней

ТЕМНЫЙ
ПОЦЕЛУЙ

 HARLEQUIN®

Владыки Преисподней

Джена Шоуолтер
Темный поцелуй

«Центрполиграф»

2008

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Шоултер Д.

Темный поцелуй / Д. Шоултер — «Центрполиграф»,
2008 — (Владыки Преисподней)

ISBN 978-5-227-08001-1

Получив от Верховного бога Олимпа Кронаса приказ убить богиню Анархии Анью, бессмертный воин Люсьен, одержимый демоном Смерти, разрывается между долгом и страстью, которую эта женщина разжигает в нем. Прекрасная и смертоносная Аня умело очаровывает Люсьена, ведь ее самое заветное желание – стать его возлюбленной, невзирая на страшное любовное проклятие. Вместо того чтобы враждовать, они объединяют усилия и вдвоем отправляются в Арктику на поиски Клетки Принуждения – одного из четырех древних могущественных артефактов, способных привести к заветному ларцу Пандоры.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08001-1

© Шоултер Д., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джена Шоултер Темный поцелуй

ТЕМНАЯ НОЧЬ
ТЕМНЫЙ ПОЦЕЛУЙ
ТЕМНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ
ТЕМНЫЙ ШЕПОТ ТЕМНАЯ
СТРАСТЬ ТЕМНАЯ ЛОЖЬ

HARLEQUIN

Gena
Showalter

THE DARKEST
KISS

A novel

GENA
SHOWALTER

THE DARKEST KISS

A NOVEL

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Художественное оформление Е.Ю. Шурлаповой

The Darkest Kiss Copyright

© 2008 by Gena Showalter «Темный поцелуй»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Пролог

Его называли Воплощением Тьмы. Малах ха-Маэт¹. Яма². Азраил³. Бредущий в Тенях. Майрия. Царь Мертвых. Он носил все эти и многие другие имена, потому что был Владыкой Преисподней.

Давным-давно он открыл ларец Пандоры – могущественный артефакт, сделанный из костей богини, – выпустив на землю полчища демонов. В наказание демонов этих заключили в его тело и тела его союзников, которые, нося в себе смешение света и тьмы, порядка и хаоса, с трудом сохраняли подобие тех дисциплинированных воинов, какими когда-то были.

Из-за того, что ларец открыл именно он, в него вселили демона Смерти.

«Что ж, справедливо», – полагал он, ведь его деяние едва не привело к концу света.

Теперь на него возложили обязанность собирать души смертных и сопровождать их к месту последнего упокоения, как бы ему ни было это ненавистно. Ему не доставляло удовольствия ни отнимать праведников у их семей, ни повергать в ад грешников, но он делал и то и другое без вопросов и колебаний. Он быстро усвоил, что неповиновение чревато наказанием куда более страшным, чем смерть. Неповиновение приводит к агонии столь нестерпимой и всеохватывающей, что даже боги трепещут при мысли о ней.

Означало ли его смирение, что он сделался кротким, заботливым, внимательным? Нет, нет и нет. Добрые чувства ему чужды, а любовь, сострадание и милосердие в его положении и вовсе неведомы.

Гнев, быть может? Ярость? Временами он с радостью отдавался во власть этих чувств.

Горе тому, кто встанет у него на пути, поскольку он может превратиться в настоящего демона. Чудовище. Зловещее создание, которое без колебаний вонзит когтистую лапу в человеческую грудь и сожмет сердце. Сожмет так сильно, что жертва не сможет дышать и будет умолять о сладком поцелуе вечного сна, даровать который способен он один.

О да. Он держит демона на коротком поводке. Если вы не будете осторожны, он придет за вами...

---

¹ Малах ха-Маэт – вестник смерти (*ивр.*).

² Яма – ангел смерти в индуизме.

³ Азраил – ангел смерти в исламе.

Глава 1

Аня, богиня Анархии, дочь Беззакония и разжигательница беспорядков, стояла на краю танцпола, глядя на колышущееся в такт музыке море полубнаженных женских тел. Все красавицы были специально отобраны Владыками Преисподней для полуночных развлечений – как вертикальных, так и горизонтальных.

Сигаретный дым окутывал их волшебным туманом, а льющиеся из медленно вращающегося под потолком шара лучи света размашистыми кругами прорезали полумрак ночного клуба. Краем глаза Аня заприметила крепкую мужскую задницу, ритмично двигающуюся вперед и назад, ублажая бьющуюся в экстазе женщину. Задницу бессмертного существа.

«Вечеринка в моем вкусе, – порочно усмехнувшись, подумала она. И плевать, что ее сюда никто не звал. – Слово кто-то или что-то может помешать мне прийти!»

Владыки Преисподней были восхитительными бессмертными воинами, одержимыми демонами, некогда заключенными в ларце Пандоры. Сейчас, накачиваясь спиртным и утоляя похоть, они прощались с Будапештом – городом, который на протяжении многих веков называли своим домом.

Анье хотелось стать частью этого действия. С одним из воинов в особенности.

– Расступитесь, – прошептала она, с трудом подавив желание заорать во все горло «Пожар!» и посмотреть, как смертные, истерически вопя, в панике бросятся к дверям.

«Вот будет потеха».

Ее слова заглушила вырывающаяся из динамиков неритмичная рок-музыка, пульсирующая в унисон с ее бьющимся с переборами сердцем. Толпа тем не менее повиновалась, похоже, на некоем подсознательном уровне.

Дорога освобождалась медленно... очень медленно...

Наконец в поле зрения Аньи показался герой ее мечтаний. Жаркий вздох застрял у нее в груди, по телу прошла дрожь. Люсьен. Красиво покрытый шрамами, неодолимо мужественный и одержимый демоном Смерти. Сейчас он сидит за столиком у дальней стены, вперившись ничего не выражающим взглядом в Рейеса, своего друга и товарища по бессмертию.

О чем они говорят? Если Люсьен хочет, чтобы одержимый демоном Боли свел его с какой-нибудь смертной женщиной, то одной ложной пожарной тревогой они точно не отделаются. Стиснув зубы и склонив голову набок, Аня сосредоточилась на этой парочке, абстрагировавшись от царящего вокруг шума, и прислушалась.

– ...Она была права. Я проверил спутниковую съемку на компьютере Торина. Из моря действительно поднимаются храмы. – Рейес одним глотком осушил содержимое серебряной фляжки, которую держал в руке. – Один в Греции, а другой вблизи Рима, и при нынешней скорости проявления их можно будет исследовать уже завтра.

– Почему же смертные о них не знают? – Люсьен по привычке потер подбородок двумя пальцами. – Парис просмотрел выпуски новостей по всем каналам, но ничего не услышал. Даже домыслов.

«Глупый мальчишка, – подумала Аня, испытывая облегчение оттого, что говорят они вовсе не о сексе. – Вы знаете о них только потому, что я так захотела».

Никто другой храмы не увидит – попросту не сможет. Она проделала этот трюк с помощью миленькой маленькой штучки под названием «хаос», самого мощного источника ее силы, и укрыла храмы штормами, которые будут держать смертных на расстоянии. В то же время Владыкам она скормила достаточно информации, чтобы вытащить их из Вуды.

Она хотела выманить Люсьена из города и вывести из игры. На короткое время. Обескураженным мужчиной легче управлять.

Рейес вздохнул:

– Быть может, это дело рук новых богов. Я все больше склоняюсь к мысли, что они ненавидят нас и жаждут нашей смерти просто потому, что мы наполовину демоны.

Лицо Люсьена оставалось непроницаемым.

– Плевать на то, чьих это рук дело. Утром мы тронемся в путь, как и планировали. Мне не терпится исследовать один из этих храмов.

Рейес швырнул пустую фляжку на стол и с такой силой вцепился в спинку стула, что побелели костяшки пальцев.

– Если повезет, там отыщется треклятый ящик.

Аня провела языком по зубам. Треклятый ящик – он же ларец Пандоры. Сделанный из костей богини Угнетения, ларец обладает достаточным могуществом, чтобы удерживать внутри самых ужасных демонов, которым даже в аду не нашлось места. Во власти ларца извлечь демонов из Владык Преисподней, тела которых стали их невольными вместилищами. А пока существование этих восхитительных яростных воинов зависит от демонов. Нечего и говорить, что их желание завладеть ларцом невероятно сильно.

Люсьен кивнул:

– Не думай об этом сейчас – завтра для этого будет уйма времени. Иди же, веселись. Незачем тебе тратить время в моем скучном обществе.

Скучном? Ха-ха! Аня никогда не встречала столь волнующего мужчину.

Поколебавшись мгновение, Рейес ушел, оставив Люсьена в одиночестве. Ни одна смертная женщина к нему не подходила. Да, они бросали на него взгляды, но их отпугивали шрамы. Ни одна не хотела иметь с ним дело – и потому оставалась в живых.

«Он занят, стервы».

– Заметь меня, – негромко скомандовала Аня.

Прошла минута. Люсьен не повинился.

Зато ее приказ услышали несколько смертных и повернули голову в ее сторону, а Люсьен продолжал сидеть, с тоской глядя на лежащую перед ним на столе пустую фляжку. На беду Ани, бессмертные невосприимчивы к ее чарам. То была маленькая привилегия, дарованная им богами.

– Ублюдки, – пробормотала она. – Со всех сторон обложили ограничениями! Лишь бы унижить смиренную Анархию.

Аня была не в чести, когда жила на Олимпе. Богини ее недолюбливали, опасаясь, как бы она, точная копия своей блудницы-матери, не совратила их мужей. И боги ее не уважали, опять же из-за матери. А вот парни ее желали. Во всяком случае, до тех пор, пока она не отправила к праотцам их дражайшего Капитана Бессмертной Гвардии. Тогда ее провозгласили смертельно опасной.

Идиоты. Капитан заслужил то, что она с ним сделала. Поделом ему! Маленький говнюк хотел ее изнасиловать. Оставь он ее в покое, и она пощадила бы его. Но не-е-е-ет. Аня не сожалела о том, что вырвала черное сердце из его груди и, насадив на копье, выставила напоказ у храма Афродиты. Нисколечко. Она заколет кинжалом любого, кто попытается лишить ее бесценной свободы выбора.

Выбор. Слово звякнуло в мозгу, возвращая к реальности. Чего ей, черт подери, будет стоить убедить Люсьена выбрать ее?

– Заметь меня, Люсьен. Пожалуйста!

И опять он ее проигнорировал.

Аня топнула ногой. Неделями она укутывалась в невидимость, как в плащ, и следовала за Люсьеном, наблюдая, изучая. Вождедея. Он и не подозревал, что она шныряет поблизости, сгорая от желания посмотреть, как он совершает всякие непристойности: раздевается, ублажает себя... улыбается. Ладно, улыбка к непристойностям не относится. Увидеть, как его

испещренное шрамами, но все же прекрасное лицо озарится улыбкой, ей хотелось ничуть не меньше, чем созерцать его обнаженное тело, искрящееся от возбуждения.

Уважил ли он хотя бы эту нижайшую просьбу? Нет!

Иногда ею овладевало желание, чтобы Люсьен никогда не попадался ей на глаза, и она сожалела, что несколько месяцев назад позволила Кроносу – новому царю богов – увлечь себя рассказами о Владыках Преисподней. «Возможно, это я идиотка».

Кронос тогда только сбежал из Тартара, тюрьмы бессмертных, о которой она знала не понаслышке. Он заточил туда Зевса и его союзников, а также родителей Аньи. Когда Анья вернулась за ними, Кронос уже поджидал ее. Он потребовал отдать ему ее величайшее сокровище, а когда она отказала – нет уж, дудки! – попытался запугать.

«Дай мне то, что я хочу, или Владыки Преисподней явятся за твоей душой. Они одержимы демонами и жаждут крови, как голодные дикие звери, поэтому без колебаний освежают твою прелестную плоть, так что только косточки останутся». Бла-бла-бла и все такое.

Его слова ничуть не напугали ее, а, наоборот, подзадорили. В результате она сама отправилась на поиски воинов, намереваясь победить их и посмеяться Кроносу в лицо, как бы говоря «смотри, что я сделала с твоими большими страшными демонами».

Одного взгляда на Люсьена оказалось достаточно, чтобы ею овладело наваждение. Позабыв о причинах, побудивших ее прийти к нему, она даже помогла этим предположительно злобным воинам.

Люсьен был полон противоречий, разрывающих ее на части. Он покрыт шрамами, но не сломлен, покладист, но непреклонен. Спокоен, как классический бессмертный, и не кровожаден, как утверждал Кронос. Одержим злым духом, но никогда не отступает от собственного кодекса чести. Каждый день и каждую ночь он имеет дело со смертью, но все же сражается за жизнь.

Очаровательно.

Более того, всякий раз, как она приближается к нему, его цветочный аромат возбуждает в ее голове греховные, порочные мыслишки. Почему? Любого другого пахнущего розами мужчину она осыпала бы насмешками, а Люсьена ей так сильно хочется отведать на вкус, что слюнки текут и кожу покалывает от отчаянного томления по его прикосновениям.

Даже сейчас, просто глядя на него и представляя, как его аромат щекочет ей ноздри, Анья покрылась мурашками. Чтобы избавиться от них, потерла себя руками. Потом представила, что ее гладит Люсьен, и восхитительная дрожь вернулась.

Боги, какой же он сексуальный! А глаза какие необычные! Она таких ни у кого не видела. Один – небесно-голубой, другой – карий, и оба лучатся естеством мужчины и демона. А его шрамы... Анья только и мечтает, как бы их полизать. Жаждет этого. Его шрамы прекрасны и служат доказательством боли и страданий, которые он претерпел.

– Эй, красотка, потанцуй со мной! – услышала она голос одного из воинов у себя над ухом.

«Парис», – поняла она, распознав в его тоне чувственное обещание. Он, должно быть, закончил трахать ту смертную у стенки и теперь подыскивает новую для утоления похоти. Обязан продолжать поиск.

– Проваливай.

Не обескураженный отсутствием у нее интереса, он схватил Анью за талию:

– Тебе понравится, клянусь!

Она избавилась от него одним взмахом кисти. Одержимый демоном Разврата, Парис был наделен бледной, почти светящейся кожей, ярко-голубыми притягательными глазами и таким милотвидным личиком, что ангелы сочли бы его за своего. Но он не Люсьен и ничего для Аньи не значит.

– Держи руки при себе, – пробормотала она, – пока я их тебе не отрезала.

Он рассмеялся, сочтя ее слова шуткой и не ведая, что Аня с легкостью приведет угрозу в исполнение. Создавая мелкие беспорядки, она никогда не бросала слов на ветер. Это попахивало слабостью, от которой Аня давным-давно зареклась.

Ее недруги только и ждут, когда она даст слабинку.

Хвала небесам, Парис больше не пытался к ней прикоснуться.

– За поцелуй, – хрипло сообщил он, – я позволю тебе сделать с моими руками что угодно.

– В таком случае я и дружка твоего отрежу. – Ей не нравилось, что ее отвлекают от созерцания Люсьена, особенно потому, что шанс побаловать себя выпадал редко. В последнее время она только и делала, что пыталась перехитрить Кроноса. – Как тебе такое предложение?

Парис расхохотался так громко, что сумел привлечь внимание Люсьена. Тот поднял глаза и посмотрел сначала на Париса, потом на Аню. У нее едва не подогнулись ноги. О, великие небеса! Парис был немедленно позабыт, а ее дыхание сделалось прерывистым. Не привиделось ли ей пламя, что внезапно вспыхнуло в неодинаковых глазах Люсьена? Не показалось ли, как затрепетали его ноздри?

«Сейчас или никогда». Облизнув губы, не сводя с него взгляда, она направилась к нему плавной чувственной походкой. На полпути остановилась и пальчиком поманила к себе. Мгновение спустя он оказался стоящим перед ней, будто притянутый невидимым поводком, сопротивляться которому был не в силах.

Вблизи он оказался шестью футами шестью дюймами мускулов и опасности. Подлинное искушение.

Губы Ани медленно растянулись в улыбке.

– Наконец-то мы встретились, Цветочек.

Не дав ему времени на ответ, она просунула левое бедро ему между ног, потерлась о его крепкий пах и эротично развернулась к нему спиной. Ее льдистоголубой корсет удерживался лишь тоненькими ленточками, а юбка так низко сидела на талии, что был виден верх стрингов. Какой конфуз!

Мужчины – как смертные, так и бессмертные – обычно тают, увидев нечто недозволенное.

Люсьен с шипением втянул в себя воздух.

Улыбка Ани стала шире. Что ж, неплохой прогресс.

Ее неторопливые движения шли вразрез с быстро бьющимся сердцем, но она продолжала медленно и плавно извиваться. Поднеся руки к голове, она неспешно провела пальцами по густым белоснежным волосам, потом спустилась ниже, поглаживая ладонями свою кожу и представляя, что ее ласкают его руки. Ее соски затвердели.

– Зачем ты призвала меня, женщина? – Его голос был низким и сдержанным, как и он сам, и возбуждал сильнее, чем могли бы касания другого мужчины.

У Ани в животе все сжалось.

– Я хотела потанцевать с тобой, – пояснила она через плечо и снова принялась медленно, очень медленно тереться о него. – Разве это преступление?

– Да, – без колебаний отчеканил он.

– Отлично. Мне всегда нравилось нарушать законы.

Последовала пауза. Затем Люсьен спросил в замешательстве:

– Сколько Парис тебе за это заплатил?

– Мне еще и заплатят? О, чудненько! – Усмехнувшись, Аня чуть отступила и стала тереться о него ягодицами, выгибаясь и извиваясь как можно более чувственно. Привет, эрекция. Жар тела Люсьена едва не растопил ее. – В какой валюте? В оргазмах?

В ее мечтах в этот момент он всегда хватал ее и пронзал своей восставшей плотью, а в реальности отпрыгнул, словно от готовой вот-вот взорваться бомбы, проложив между ними треклятую дистанцию.

На Анью мгновенно накатило ощущение утраты.

– Никаких прикосновений, – процедил Люсьен. Наверняка он изо всех сил старается говорить спокойно, но голос все равно звучит надрывно. Сдавленно. Скорее напряженно, чем соблазнительно.

Анья прищурилась. Все вокруг наблюдали за ними и видели, как Люсьен ее отверг.

«Это вам не ток-шоу, – нахмурившись, мысленно сообщила она им. – Так что отвернулись к чертям собачьим!»

Один за другим смертные повиновались. Однако остальные Владыки приблизились к ней, внимательно приглядываясь. Им, конечно, любопытно, кто она такая и что тут делает.

Она понимает, что им нужно соблюдать осторожность, ведь их по-прежнему преследуют Охотники – смертные, глупо верящие в свою способность создать утопию мира и гармонии, избавив землю от Владык и заключенных в них демонов.

«Плевать на них. Твое время истекает, детка». Она снова сосредоточила внимание на Люсьене, повернув к нему голову, но не корпус.

– На чем мы остановились? – хрипло поинтересовалась она, проводя пальцем по резинке своих стрингов, не останавливаясь, пока не привлекла его жаркий взгляд к блестящим ангельским крылышкам в их середине.

– Я как раз собирался уходить, – выдавил он.

От этих слов ногти ее удлинились, превратившись в когти. Он все еще хочет отшить ее? В самом деле?

Она явилась ему во плоти, даже зная, что боги смогут определить ее точное местоположение, – а этого делать не стоило, ведь они хотят прикончить ее как паршивую тварь. Она не уйдет из этого клуба без награды.

Анья развернулась и принялась с удвоенной решимостью раскачивать бедрами и ласкать торс Люсьена своими длинными светлыми волосами. Прикусив нижнюю губу, она выпятила грудь.

– Я не хочу, чтобы ты уходил! – воскликнула она, надув губки.

Он отступил еще на шаг.

– Что случилось, сладенький? – Она безжалостно двинулась за ним. – Маленькой девочки испугался?

Его губы сжались в тонкую ниточку, и он ничего не ответил. Хвала небесам, хоть не отстранился.

– В этом все дело?

– Ты понятия не имеешь, в какую игру ввязываешься, женщина.

– Напротив! Думаю, что имею.

Окинув его взглядом, она замерла от восхищения. Он великолепен. Лучи всех цветов радуги скользят по его лицу и телу, безупречному, как у высеченной из камня статуи. Под черной футболкой и потертыми джинсами прячутся крепкие мускулы, от одного вида которых Анье хочется немедленно запустить руку себе в трусики.

«*Мой*».

– Я же сказал – никаких прикосновений! – рявкнул он.

Анья посмотрела ему в глаза и подняла руки вверх, показывая, что сдается.

– Я тебя и не трогаю, сладенький. – «Но хочу это сделать... собираюсь... и сделаю», – мысленно добавила она.

– Твой взгляд утверждает обратное, – сдавленно процедил Люсьен.

– Это потому...

– Я с тобой потанцую, – оборвав ее на полуслове, встрял в разговор другой воин. Опять Парис.

– Нет, – твердо ответила Аня. Она хочет Люсьена, и только Люсьена. Никого, кроме него.

– Она может быть наживкой, – произнес другой Владыка, вероятно оглядывая ее с подозрением.

Она узнала глубокий тембр его голоса. Сабин, одержимый демоном Сомнения.

Наживка? Помилуйте! Стала бы она совращать кого-то не из собственного эгоистичного интереса! Наживки – это глупые девчонки, склонные к самопожертвованию; в их задачу входит соблазнить Владыку до беспамьтства, чтобы позволить охотникам подкрасться и убить его. Какая идиотка стала бы убивать Владыку? Куда приятнее немножко позабавиться с ним в постели!

– Сомневаюсь, чтобы после чумы охотники сумели так скоро стянуть сюда новые силы, – заметил Рейес.

Ах да. Чума. Один из Владык одержим демоном Болезни. Если он коснется кожи смертного, то заразит ужасным недугом, который неимоверно быстро распространяется и убивает.

Зная это, Торин всегда носит перчатки и редко покидает крепость, сидя там в добровольном заточении, чтобы уберечь людей от своего проклятия. Не его вина, что несколько недель назад группа охотников пробралась в крепость и перерезала ему глотку.

Торин выжил, охотники – нет.

К сожалению, вокруг роится слишком много других охотников. Они как мухи, честное слово! Прогони одну, и вскоре две займут ее место. Даже сейчас они где-то поблизости, выжидают случая напасть. Владыкам нужно быть начеку.

– Кроме того, им не удалось бы пробиться через нашу систему безопасности, – добавил Рейес, и его резкий голос вывел Аню из раздумий.

– Точно так же, как не удалось придумать способа пробраться в крепость и едва не обезглавить Торина? – возразил Сабин.

– Проклятье! Парис, останься здесь и присмотри за ней, пока я проверю периметр. Сабин, идем со мной.

Шаги, приглушенные проклятия.

Вот черт. Найди воины хоть малейшие следы охотников – и Анье не удастся убедить их в своей невиновности. По крайней мере, в этом преступлении. Люсьен никогда не поверит ей, никогда не расслабится в ее присутствии. Никогда не притронется к ней, разве что в гневе.

Она не позволила переживаниям отразиться на лице.

– Я, может, толпу увидела и пробралась внутрь, – обратилась она к Парису и еще одному изучающему ее Владыке и напряженно добавила: – Может, мы с большим парнем пару минут обойдемся без постороннего вмешательства? И побудем наедине?

Намек они, возможно, и поняли, но не ушли.

Прекрасно. Их присутствие ей не помеха.

Аня снова принялась медленно покачиваться в такт музыке, не сводя глаз с Люсьена и лаская себе живот.

«Положи же свои пальцы на место моих», – спроецировала она желание ему в мозг.

Люсьен конечно же этого не сделал. Но его ноздри мило раздувались, пока глаза следили за движениями ее ладоней. Он сглотнул.

– Потанцуй со мной. – На этот раз она произнесла слова вслух, в надежде, что он не сможет с легкостью проигнорировать ее. Она провела языком по губам, увлажняя их.

– Нет, – сишло и едва различимо ответил он.

– Ну пожалуйста, красавчик, я тебя не разочарую – буду твоей вишенкой на торте.

То была чистой воды провокация, и Люсьен сверкнул глазами. Аня поняла, что это ей вовсе не привиделось. Ее затопила надежда, по прошествии нескольких секунд сменившаяся

яся разочарованием – Люсьен до нее так и не дотронулся. Время действительно ее враг. Чем дольше она остается здесь, тем больше шансов попасться.

– Ты не находишь меня привлекательной, Цветочек?

У него под глазом дернулся нерв.

– Меня не так зовут.

– Ну ладно. Давай попробуем по-другому. Ты не находишь меня привлекательной, Кексик?

Теперь у Люсьена задергался мускул на щеке.

– Не имеет значения, что я о тебе думаю.

– Это не ответ на мой вопрос, – протянула она, снова надувая губы.

– А я и не собирался отвечать.

Грр! Что за раздражающий тип! «Попробуй что-то другое. Что-то вызывающее. Как будто до сих пор я вела себя по-иному».

Ладно. Отвернувшись, Аня легла на пол. Юбка ее задралась, явив взору Люсьена синие стринги с крылышками в середине. Аня задергалась, как во время полового акта, и стала медленно поворачиваться, демонстрируя себя во всей красе.

Люсьен втянул носом воздух. Его могучее тело напряглось.

– Ты пахнешь клубникой со сливками, – сказал он. Выглядел он при этом как изготовившийся к прыжку хищник.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», – мысленно молила Аня.

– Спорим, что я и на вкус такая же, – добавила она, похлопав ресницами. В его устах упоминание запаха прозвучало как ужасное оскорбление.

Люсьен издал низкий горловой рык и угрожающе шагнул к ней. Занес руку, чтобы... Что? Схватить ее? Ударить? Интересно, что он сделает? Опомившись, он сжал пальцы в кулак. До замечания о ее запахе он держался отстраненно, но все же выказывал проблески интереса. Теперь весь его интерес заключался в том, чтобы придушить ее.

– Тебе повезло, что я не прибил тебя здесь и сейчас, – произнес он, подтвердив мысли Ани, но руку все же опустил.

Аня замерла на месте и уставилась на него с разинутым ртом. Он хочет ударить ее, потому что у нее фруктовый запах? Как же это... как же это чрезвычайно... разочаровывает. Мозг услужливо подкинул еще одно слово – «опустошает», но она отмахнулась от него. Она едва знает этого мужчину, поэтому он никак не может оказать на нее такое воздействие.

Она, конечно, не рассчитывала, что он падет к ее ногам, но все же ожидала благосклонности. Хотя бы небольшой.

Мужчинам нравятся женщины, которые вешаются им на шею, так ведь? Несчетное количество лет наблюдает она за смертными, и подобное поведение всегда приносит плоды. «Ключевое слово, детка, – смертные. Люсьен не смертный и никогда им не был. Но почему он меня не хочет?»

За все то время, что она подглядывала за ним, он не выказал благосклонности ни одной женщине. К Эшлин, возлюбленной своего друга Мэддокса, он относится с добротой и уважением, а к Камео, единственной среди них воительнице, – мягко и почти по-отечески заботливо. Никакой страсти.

Но и мужчин женщинам он не предпочитает и не задерживается на них взглядом с вожделением или намеком на более нежные чувства. Может, он влюблен в конкретную женщину, поэтому остальные его не интересуют? Если так, эта сучка умрет!

Аня провела языком по зубам, и руки ее сами собой сжались в кулаки. В зале продолжал клубиться дым, неуловимый, фантастический. Смертные женщины снова высыпали на танцплощадку, пытаясь соблазнить Владык, но те продолжали рассматривать Аню, выжидая окончательного вердикта о том, кто или что она такое.

Люсьен не сдвинулся с места ни на дюйм, будто прилип к полу. Аня подумала, что стоит перестать попусту тратить силы, признать поражение и уйти, пока Кронос ее не нашел. «Сдаются только слабаки». Верно. Она решительно вздернула подбородок и силой мысли сменила гремющую из динамиков песню. Ритм мгновенно замедлился, сделался более плавным.

Придав лицу соответствующее выражение, Аня неторопливо двинулась к Люсьену, сведя на нет разделяющее их расстояние. Проведя пальцами вверх по его мощной, твердой груди, она содрогнулась. Никаких прикосновений – ха-ха! Она ему покажет! Нельзя сделать из Анархии покорную ручную собачонку.

По крайней мере, он не отпрянул.

– Ты потанцуешь со мной, – промурлыкала она. – Это единственный способ от меня избавиться. – Чтобы подразнить его, она встала на цыпочки и нежно прикусила мочку его уха.

Из горла Люсьена вырвался низкий рокот, и он наконец-то обхватил ее руками. Сначала она подумала, что он оттолкнет ее, но он притянул ближе, вдавливая ее грудь в свой торс и раздвигая ей ноги левым бедром. Она тут же увлажнилась.

– Хочешь танцевать – значит, будем танцевать.

Люсьен стал медленно и чувственно покачивать ее из стороны в сторону. Тела их оставались тесно прижатыми друг к другу, и Аня терлась нижней частью живота о его бедро. Вспышки удовольствия растекались по ее телу, воспаляя до последней клеточки.

Великие боги, это лучше, чем она воображала. Капитулируя, Аня закрыла глаза. Люсьен огромен. Везде. Она кажется себе крошечной против его широких плеч, а его мускулистый торс грозит вот-вот поглотить ее целиком. Он ласкает ей щеку теплым дыханием, подобно внимательному любовнику. Трепеща, она провела руками по спине Люсьена и погрузила пальцы в его темные шелковистые волосы. «Да. Еще».

«Притормози, девочка». Даже если он и возжелает ее, как она его, целиком ей его не заполучить. В этом отношении она так же проклята, как и он. Все же Аня может наслаждаться моментом – что и делает. Люсьен наконец-то отвечает ей!

Он нежно потерся носом о ее подбородок.

– Все мужчины в этом здании вожделеют тебя, – мягко произнес он, но слова его были так остры, что могли порезать. – Почему ты выбрала меня?

– Потому что, – ответила она, вдыхая исходящий от него пьянящий аромат роз.

– Это не ответ.

– Я и не собиралась отвечать, – повторила Аня его слова. Ее соски по-прежнему оставались твердыми, очень твердыми, и терлись о корсет, возбуждая в ней пламя страсти. Кожа сделалась невероятно чувствительной, а мозг реагировал на малейшие движения Люсьена. Ощущала ли она прежде нечто столь эротичное? Столь... правильное?

Люсьен схватил ее за волосы с такой силой, что едва не вырвал несколько прядей.

– Ты находишь забавным дразнить самого уродливого мужчину в зале?

– Самого уродливого? – И это притом, что ее тянет к нему, как ни к кому и никогда прежде? – Парис мне, как видишь, совсем не интересен, сахарный мой.

Это заставило Люсьена остановиться. Он нахмурился и отпустил Аню, затем затряс головой, будто пытался прояснить мысли.

– Прекрасно знаю, кто я, – прорычал он с едва заметной горечью. – Уродливый – это еще мягко сказано.

Она замерла, глядя в его двуцветные глаза. Неужели он действительно не подозревает о собственной привлекательности? Он излучает мощь и жизненную силу. И дикую, почти животную мужественность. Ее в нем очаровывает абсолютно все.

– Раз ты такой сведущий, сладенький, то должен знать и о собственной сексуальности и угрожающей красоте.

Ей хотелось большего. По ее позвоночнику вновь пробежал холодок, пробирая до костей. «Дотронься же до меня снова».

Он окинул ее взглядом сверху вниз:

– Угрожающей? Означает ли это, что ты хочешь, чтобы я причинил тебе боль?

Она неспешно улыбнулась:

– Только если ты меня отшлепаешь.

Его ноздри снова затрепетали.

– Как я вижу, мои шрамы тебя не смущают, – проговорил Люсьен лишенным эмоций голосом.

– Смущают? – Шрамы его не портят, а, наоборот, делают неотразимым.

Ближе... ближе... Да, прикосновение! О, всемогущие боги! Аня заскользила ладонями по его торсу, упиваясь ощущением съезживающихся под ее пальцами сосков и напрягающихся мускулов.

– Они меня заводят.

– Ты лжешь, – возразил он.

– Временами, – призналась она, – но не сейчас.

Она внимательно всмотрелась в его лицо. Как бы он ни получил свои шрамы, приятным процесс точно не был. Он страдал. Много. Осознание этого неожиданно рассердило так же сильно, как прежде очаровывало. Кто ранил его и за что? Ревнивая любовница?

Выглядит так, словно кто-то выхватил нож и исполосовал Люсьена, как дыню, а потом попытался сложить куски вместе и кое-где ошибся местами. Большинство бессмертных исцеляются очень быстро, и признаки ранений исчезают без следа. Так что, даже будучи основательно порезанным, Люсьен должен был поправиться.

Есть ли у него подобные шрамы и на теле? У Ани подогнулись ноги, ее захлестнула новая волна возбуждения. Она неделями подглядывала за ним, но так и не увидела ни кусочка его скульптурной плоти. Каким-то образом он всегда умудрялся переодеваться и мыться уже после ее ухода.

Возможно ли, что он ощущал ее присутствие и потому таился?

– Не знай я, что к чему, счел бы тебя наживкой, как думают остальные, – сдавленно процедил он.

– Откуда же тебе известно, что к чему?

Он изогнул бровь.

– Так ты наживка?

«Надо пройти этот путь до конца, не так ли?» Заверив, что она не наживка, тем самым выдаст свою осведомленность. Полагая, что достаточно хорошо изучила Люсьена, она понимала, что подобное заявление ее не спасет и он будет вынужден убить ее. Ну а уж если признается, что является наживкой, он ее тем более убьет.

Ситуация проигрышная, как ни крути.

– А ты хочешь, чтобы я ею была? – поинтересовалась она самым соблазнительным голосом. – Я стану кем пожелаешь, милый.

– Довольно, – взревел он, на краткий миг сбрасывая маску вечного спокойствия. Лицо его полыхнуло неистовым пламенем. Ох, сгореть бы в нем дотла! – Мне не нравится игра, в которую ты играешь.

– Никаких игр, Цветочек, честное слово.

– Что тебе от меня надо? Не смей лгать!

Вот уж точно непростой вопрос. Она хочет ощутить на себе всю силу его мужественности. Хочет неспешно раздеть его и исследовать все уголки его тела. И чтобы он раздел и исследовал ее. Чтобы он ей улыбался. Чтобы его язык проник к ней в рот.

Сейчас достижимым казалось только последнее. И то лишь в результате нечестной игры. Хорошо, что Обманщица – ее второе имя.

– Я согласна на поцелуй, – выдохнула она, глядя на его мягкие розовые губы. – Вообще-то я даже настаиваю на поцелуе.

– Охотников поблизости я не обнаружил, – сообщил внезапно оказавшийся рядом с Люсьеном Рейес.

– Это ничего не значит, – возразил Сабин.

– Она не охотница и не работает на них. – Ни на мгновение не сводя глаз с Аньи, Люсьен взмахом руки отослал друзей прочь. – Хочу побыть с ней минутку наедине.

Анью ошеломила его уверенность. Он намерен побыть с ней наедине? Наконец-то! Вот только приятели его стоят будто вкопанные. Придурки.

– Мы незнакомы, – сказал ей Люсьен, продолжая разговор, словно их и не перебивали.

– Ну и что? Перепихнуться с незнакомцем – самое обычное дело. – Выгнув спину, она прижалась к его затвердевшему члену. М-м-м, эрекция. Он не утратил ее, все еще возбужден. – От малюсенького поцелуйчика вреда не будет, не так ли?

Люсьен впился пальцами ей в талию, заставляя замереть на месте.

– А потом ты уйдешь?

Его слова должны были оскорбить Анью, но она так запуталась в сетях удовольствия, что не придавала им значения. Пульс ее принялся исполнять дикий танец, а в животе разлилось неведомое приторное тепло.

– Да.

Поцелуй – это единственное, что она может от него получить, как бы сильно ей ни хотелось большего. И она добьется своего любым способом: принуждением, насилием, обманом. Она устала представлять, каким мог бы быть поцелуй Люсьена, и жаждет испытать его в реальности. Должна испытать в реальности. В конце-то концов. Наверняка на вкус он не такой удивительный, как она себе навоображала.

– Не понимаю я этого, – пробормотал он, полуприкрыв глаза. Темные ресницы отбрасывали тени на его испещренные шрамами щеки, придавая ему как никогда опасный вид.

– Все нормально. Я тоже не понимаю.

Люсьен склонился над Аньей, опалив ей кожу своим горячим дыханием с ароматом цветов.

– Чего ты добьешься одним поцелуем?

Всего. Предвкушение пульсировало в ней, и она провела кончиком языка по губам.

– Ты всегда такой болтливый?

– Нет.

– Поцелуй ее уже, Люсьен, или это сделаю я, наживка она или нет, – со смехом выкрикнул Парис. Хотя и добрый, его смех звенел сталью.

Люсьен продолжал сопротивляться. Аня чувствовала, как колотится о ребра его сердце. Ему неловко в присутствии зрителей? Плохо. Она рискнула всем ради этого и теперь не позволит ему идти на попятный.

– Все тщетно, – возразил он.

– Ну и что. Тщета может быть забавной. Ладно, хватит уверток, время действовать. – Аня притянула к себе его голову и с силой прижалась губами к его губам. Его рот мгновенно открылся, и их языки встретились в глубоком, влажном проникновении. По ее телу прокатилась волна жара, когда она ощутила вкус роз и мяты.

Стремясь к большему, Аня углубила поцелуй. Люсьен нужен ей весь, целиком. Не владея собой, она потерлась о его член. Люсьен сжал в кулаке ее волосы, полностью поработив рот. Как же просто ее засосало в водоворот страсти и желания, утолить которое может только Люсьен. Она вошла во врата рая, не сделав ни единого шага.

Кто-то заплодировал. Кто-то засвистел.

Анье показалось, что ее ноги оторвались от пола и ничто ее не держит. Мгновением позже ее спина оказалась прижатой к холодной стене. Аплодисменты неожиданно смолкли. Морозный воздух покусывал кожу.

«Мы на улице?» – удивилась она, но тут же снова застонала и, наплевав на все, обвила ногами талию Люсьена, продолжавшего языком завоевывать ее рот. Одной рукой он грубо стиснул ее бедро – боги, как же ей это понравилось! – а другую запустил в волосы и, крепко вцепившись в их густую массу, заставил склонить голову набок для более глубокого проникновения.

– Ты... ты... – яростно шептал он.

– Сгораю от желания. Не болтай. Поцелуй еще.

Самоконтроль Люсьена растаял в воздухе, и он погрузил язык в ее рот. Зубы их клацнули друг о друга. Страсть и возбуждение искрились между ними ярким пламенем, неистовым пеклом. Анья как будто на костре сгорала. Яростном. Причиняющим боль. Она попала в окружение огня, стала его частью.

И не хотела, чтобы это заканчивалось.

– Еще, – резко произнес он, обхватывая ладонями ее грудь.

– Да. – Ее соски напряглись, пульсируя от его прикосновения. – Еще, еще, еще.

– Так приятно.

– Восхитительно.

– Прикоснись ко мне, – прорычал он.

– Я это и делаю.

– Нет. Ко мне.

До Аньи дошло, что он имеет в виду, и понимание сильнее распалило желание. Возможно, он все же хочет ее. Стремится же он, как-никак, почувствовать прикосновение ее рук к своей коже. Это означает, что одного поцелуя ему недостаточно, он жаждет большего.

– С удовольствием.

Одной рукой она приподняла край его рубашки, а другой принялась гладить мышцы его живота. Нащупав шрамы, она содрогнулась, потому что покрытая рубцами кожа оказалась горячей.

От ее ласки мускулы его сжимались, и он прикусил ее нижнюю губу.

– Да, именно так.

Она почти кончила, так как его реакция подлила масла в жарко пылающий костер ее страсти. Из горла ее вырвался стон.

Обрисовав пальцами ареолы его сосков, она принялась за вершинки. От каждого прикосновения к ним ее клитор пульсировал, будто бы она улаждала себя.

– Мне нравится чувствовать тебя.

Люсьен провел языком по ее шее, оставляя след из чувственных вспышек. Глаза Аньи распахнулись, она едва не задохнулась, обнаружив, что они действительно на улице – в темном закоулке – и он прижимает ее спиной к стене клуба. Должно быть, он телепортировал их сюда, негодный мальчишка.

Из Владык один он наделен способностью переноситься с места на место силой мысли. Она и сама обладает этим умением. Жаль, что он не догадался переместить их напрямиком в спальню.

«Нет, – мысленно поправила она себя, борясь с волной отчаяния. – Спальня – это плохо. Плохо, плохо, плохо».

Анье нельзя ни на секунду допускать мысли о плотских утехах. Другие женщины могут наслаждаться электризирующими прикосновениями кожи к коже и стремящимися к разрядке обнаженными телами, но не Анья. Анья – никогда.

– Я хочу тебя, – грубо заявил Люсьен.

– Ну наконец-то, – прошептала она.

Он вскинул голову в окружении нимба темных волос; сверкнули голубая и каряя радужки его глаз, и губы Аньи обожгло новым поцелуем. Который длился и длился, и она охотно и счастливо растворилась в его сладости. Потрясенная до глубины души, она перестала быть Аньей, но стала женщиной Люсьена. Рабыней Люсьена. Она никогда не сможет им насытиться, и, будь ее воля, с радостью позволила бы ему проникать в нее снова и снова до скончания времен. Боги, реальность оказалась гораздо лучше любых фантазий.

– Хочу почувствовать всю тебя. Хочу ощутить твои руки на себе.

Она спустила на землю ноги, до сих пор обвивающие его талию, и потянулась к молнии брюк, стремясь высвободить его набухшую плоть и обхватить ее пальцами, но тут услышала эхо приближающихся шагов.

Люсьен, должно быть, тоже их услышал. Он замер, а потом отпрянул от Аньи.

Он тяжело дышал. Как и она. Ее ноги почти подогнулись, когда их взгляды встретились, и время на миг остановилось. Молнии страсти по-прежнему сверкали в повисшей между ними тишине; она и не догадывалась, что поцелуй может быть таким воспламеняющим.

– Поправь одежду, – приказал он.

– Но... но... – Она не готова остановиться, наедине они все еще или уже нет. Дай он ей долю секунды – и она умчит их в другое место.

– Ну же, не медли.

«Увы, телепортаций не предвидится», – разочарованно подумала она. Жесткое выражение его лица недвусмысленно показывало, что для него все закончилось. И поцелуй, и она сама.

С трудом оторвав от него взгляд, она осмотрела свой наряд. Корсет оказался стянутым под грудь. Твердые розовые соски хорошо видны, как два маленьких маяка в ночи. Юбка задралась до талии, открывая на всеобщее обозрение микроскопические стринги.

Анья привела себя в порядок, краснея впервые за сотни лет. «Почему сейчас? И имеет ли это значение?» У нее дрожали руки – позорная слабость! Она попробовала приказать им успокоиться, но единственной командой, какую желало слышать ее тело, была «прыгай обратно в объятия Люсьена».

Из-за угла показались несколько Владык. Вид у них был свирепый и угрюмый.

– Обожаю, когда ты вот так исчезаешь, – сказал тот, которого звали Гидеон. Раздраженный тон его голоса свидетельствовал об обратном.

Анья знала, что он одержим духом Лжи, потому не может произнести ни слова правды.

– Заткнись! – рявкнул Рейес.

Бедный, страдающий Рейес, одержимый Болью. Ему нравится резать себя. Однажды Анья видела, как он прыгнул с вершины крепости, чтобы насладиться ощущением переломанных костей.

– Хоть она и кажется безобидной, Люсьен, перед тем, как глотать ее язык, тебе бы стоило проверить, нет ли при ней оружия.

– Я почти голая, – раздраженно напомнила она, но никто не обратил на нее никакого внимания. – Какое оружие я, по-вашему, прячу?

Оружие на ней на самом деле имелось. Подумаешь, важность! Девушка должна защищать себя.

– У меня все под контролем, – невозмутимым тоном заверил Люсьен. – Полагаю, что смогу справиться с одной женщиной, вооруженной или нет.

Его спокойствие всегда очаровывало Анью. До настоящего момента. Куда подевалась пылкая страсть? Нечестно, что он так быстро пришел в себя, в то время как она все еще дышит с трудом. И дрожь в руках и ногах никак не унимается. Хуже того, и сердце колотится в груди, как военный барабан.

– Так кто же она? – спросил Рейес.

– Может быть, и не наживка, но все же она – нечто, – заметил Парис. – Ты ее телепортировал, а она даже не пикнула.

Вот тогда-то все прищуренные взгляды обратились к Анье. За все столетия своей жизни ей не доводилось чувствовать себя такой незащищенной и уязвимой, как сейчас. Ради поцелуя Люсьена стоило рискнуть попасть в плен, но это не означает, что она должна терпеть допрос.

– Вы все можете просто заткнуться. Ни черта я вам не скажу.

– Я тебя не приглашал, и Рейес заверил, что никто из присутствующих с тобой не знаком, – сказал Парис. – Зачем ты пыталась соблазнить Люсьена? – спросил он тоном, подразумевающим, что никто не станет путаться с воином со шрамами по собственной воле.

Анью это взбесило, хоть она и знала, что в его намерения не входило нагрубить или обидеть, он просто констатировал то, что все они считали фактом.

– Что за допрос с пристрастием вы мне тут устроили? – Она одарила их одного за другим сердитым взглядом. Всех, кроме Люсьена. Смотреть на него она избегала из боязни, что может рассыпаться на куски, если выражение его лица по-прежнему остается холодным и бесчувственным. – Я увидела его, он мне понравился, и я пошла за ним. Велика важность. Конец истории.

Владыки скрестили руки на груди одинаковым «да что ты говоришь» жестом. Тут Анья заметила, что они обступили ее полукругом, хотя вроде и с места не двигались. Она едва сдержалась, чтобы не закатить глаза.

– На самом деле ты хочешь не его, – заявил Рейес. – Мы все это понимаем. Так что давай рассказывай, что тебе надо, пока мы тебя не заставили.

Заставили ее? Ох, испугали! Она тоже скрестила руки на груди. Несколько минут назад они подстрекали Люсьена поцеловать ее, не так ли? Возможно, она действовала по собственной инициативе. А они теперь готовы влезть к ней в голову, чтобы посмотреть, что за мысли там бродят? Ведут себя так, будто не замечают, что Люсьену по силам очаровать даже незрячую женщину.

– Я хотела, чтобы он сунул в меня свой член. Теперь понял, козел?

Своим признанием ей удалось шокировать Владык, и они замолчали.

Люсьен встал перед нею, загоразивая собой от мужчин. Он что же... защищает ее? Как мило. Не нужно, но мило. Часть ее гнева испарилась, захотелось обнять его.

– Оставьте ее в покое, – велел Люсьен. – Она не имеет значения. Она не важна.

От этих слов ее состояние эйфории мгновенно испарилось. Она не имеет значения? Не важна? Он только что касался ее груди и терся своим возбужденным членом меж ее ног. Как он посмел заявить подобное?

Глаза ей застлало красной пеленой. «Вот что, должно быть, всегда чувствовала моя мать». Почти все мужчины, с которыми Дисномия делила ложе, осыпали ее оскорблениями, едва утोलив свою похоть. «Легкодоступная, – говорили они. – Больше ни на что не годится».

Анья хорошо знала свою мать. Знала, что Дисномия всегда шла на поводу у своих необузданных инстинктов, а также просто искала любви. Для нее не имело значения, холост ее партнер или связан узами Гименея. Ему стоило лишь возжелать ее – и она тут же отдавалась. Возможно, в те непродолжительные часы, что она проводила в объятиях любовника, упиваясь его ласками, ее темные побуждения бывали утолены.

«Что делало последующее предательство еще более болезненным», – размышляла Анья, глядя на Люсьена. Она никак не ожидала, что он назовет ее «не важной». «Она моя» – возможно. «Она мне нужна» – может быть. «Не трогать мою собственность» – определено.

Как бы Анья ни любила свою мать, она не желала себе такой жизни, поэтому давным-давно поклялась, что не позволит себя использовать. «Посмотрите-ка на меня сейчас. Я молила и выпрашивала у Люсьена поцелуй, а он считает меня не важной».

Зарывав, собрав в кулак всю свою значительную силу, ярость и боль, она отпихнула Люсьена, и он отлетел, как выпущенная из пистолета пуля, и впечатался в Париса. Ахнув, они отпрянули друг от друга.

Придя в себя, Люсьен быстро обернулся и посмотрел на нее:

– Больше такого не повторится.

– Вообще-то повторится, и в гораздо большем объеме. – Она шагнула к нему, заноса кулак, готовясь выбить его ровные белые зубы.

– Аня, – с хриплой мольбой произнес он ее имя, – остановись!

Она замерла. Казалось, от шока у нее кровь загустела в жилах.

– Ты знаешь, кто я. – Это было утверждение, а не вопрос. – Откуда?

Они разговаривали всего один раз, несколько недель назад, но он никогда ее прежде не видел. Уж об этом она позаботилась.

– Ты следила за мной. Я узнал твой запах.

«Клубника со сливками», – обвиняющим тоном заметил он раньше. Аня вытаращила глаза. Все ее существо пронзила смесь удовольствия и унижения. Люсьен, оказывается, всегда знал, что она наблюдает за ним.

– Зачем же допустил, чтобы меня тут допрашивали с пристрастием, раз ты в курсе, кто я? И почему, если знал, что я слежу за тобой, не велел показаться тебе? – сыпала она вопросами.

– Во-первых, – пояснил он, – я не догадывался, кто ты, пока разговор не зашел об охотниках. Во-вторых, не хотел отпугнуть, не выяснив прежде твоих намерений. – Он замолчал, ожидая, что она заговорит, но она этого не сделала, и тогда он добавил: – Так каковы твои намерения?

– Я... ты... – «Вот черт! Что же ему сказать?» – За тобой должок. Я спасла твоего друга и освободила тебя от его проклятья. – Вот так. Разумно и правдиво, и, если повезет, отвлечет от разговора о движущих ею мотивах.

– Ну да! – Люсьен кивнул, но плечи его напряглись. – Теперь все стало на свои места. Ты пришла получить плату.

– Вообще-то нет. – Она не хотела, чтобы он подумал, будто она так легко раздает свои поцелуи. У нее тоже есть гордость. – Пока нет.

Он нахмурил брови:

– Но ты только что сказала...

– Я знаю, что сказала.

– Зачем же ты тогда явилась? Зачем преследовала меня?

Снова ощущая досаду, Аня прижала язык к нёбу. Подошедшие Рейес, Парис и Гидеон не дали ей времени ответить. Все трое имели весьма угрожающий вид. Уж не думают ли схватить ее и обездвижить?

Не сказав Люсьену ни слова, она рывкнула на мужчин:

– Что надо? Не припоминаю, чтобы приглашала вас поучаствовать в разговоре.

– Ты – Аня? – Рейес с явным отвращением окинул ее взглядом с головы до ног.

Отвращение? Он должен быть благодарен! Разве не она освободила его от проклятия, что каждую ночь заставляло закалывать мечом своего лучшего друга на веки вечные? Да, черт побери. Она сделала это. Но сейчас он пронзает ее взглядом, который она хорошо знает и от которого у нее всегда встают дыбом волосы. Из-за амурного прошлого ее матери и повсеместного убеждения, что дочь пойдет по ее стопам, каждый греческий бог на Олимпе время от времени одаривал ее тем же отвращением.

Поначалу Аню обижало их самодовольное презрение, поэтому несколько сотен лет она вела себя как примерная девочка: одевалась точно монашка, говорила, только когда к ней обращались, всегда держала глаза долу. Каким-то образом ей даже удалось заглушить свою отча-

янную потребность в разрушении. Все ради того, чтобы заслужить уважение существ, которые всегда будут видеть в ней шлюху.

В один судьбоносный день, когда она пришла с дурацкой тренировки для богинь в слезах, потому что улыбнулась Аресу, а стерва Артемида бросила в ее сторону: «Ну прямо вылитая мамаша», Дисномия отвела дочь в сторонку и сказала: «Что бы ты ни делала, как бы ни вела себя, они будут жестко осуждать тебя. Но все мы должны быть честными перед своей сущностью. Выдавая себя за другую, ты только ранишь себя и показываешь, что стыдишься того, кем и чем являешься. Другие будут питаться твоим стыдом, и вскоре он поглотит тебя целиком. Ты чудесное создание, Аня. Гордись собой, как горжусь тобой я».

С тех пор Аня стала одеваться так сексуально, как ей нравилось, говорить, когда и как хотелось, а под ноги себе смотрела, только чтобы полюбоваться своими сандалиями на ремешках. Она более не отрицала потребности в беспорядке. Верно, то был бесцеремонный способ сказать «да пошли вы» тем, кто ее отвергал, но, что гораздо важнее, она полюбила саму себя.

Никогда снова она не будет стыдиться.

– Знаешь... интересно увидеть тебя во плоти после всех исследований, что я недавно о тебе проводил. Ты дочь Дисномии, – продолжил Рейес. – Второсортная богиня Анархии.

– Нет во мне ничего второсортного. – «Второсортная» означает «не важная», а она так же важна, как и другие, высшие существа, дьявол бы их побрал. Из-за того, что отец ее неизвестен – теперь-то она знает, кто он, – ее и причислили к низшему разряду. – Я богиня. – Она вздернула подбородок, пряча эмоции.

– В ту ночь, когда явилась нам и спасла жизнь Эшлин, ты утверждала, что ею не являешься, – напомнил Люсьен. – Заявила, что ты просто бессмертная.

Аня лишь пожала плечами. Она так ненавидела богов, что редко причисляла себя к ним.

– Я соврала. Я часто так делаю. Не кажется ли вам, что это часть моего очарования?

Никто не ответил.

– Некогда мы были войском богов и жили на небесах, что тебе, несомненно, известно, – заговорил Рейес, будто бы она не сказала ни слова. – Я тебя не помню.

– Может, я тогда еще не родилась, умник.

В его темных глазах промелькнуло раздражение, но он спокойно продолжил:

– Как уже сказал, я изучаю тебя с самого твоего появления несколько недель назад, разужнаю все, что возможно. Давным-давно тебя бросили в тюрьму за убийство невинного человека. Затем, через сотню или около того лет заключения, боги наконец-то пришли к соглашению по поводу надлежащей кары. Однако прежде, чем они смогли вынести вердикт, ты сделала то, что ни одному бессмертному совершить не удавалось. Ты сбежала.

Аня не пыталась этого отрицать.

– Твои изыскания верны. – По большей части.

– Легенда гласит, что ты заразила хранителя Тартара какой-то болезнью, так что сразу после твоего побега он ослаб и потерял память. Для усиления охраны на каждом углу поставили стражников, поскольку боги опасались, что мощь тюрьмы зависит от мощи ее хранителя. Со временем стены действительно начали трещать и разрушаться, что в конечном счете привело к побегу титанов.

Он собирается и это вменить ей в вину? Аня прищурилась.

– Имея дело с легендами, – ровным голосом объявила она, – не забывай, что они частенько искажают правду, чтобы объяснить то, что смертным постичь не по силам. Забавно, что ты – герой стольких легенд, а не знаешь очевидного.

– Ты скрываешься здесь, среди смертных, – сказал Рейес, не обращая на нее внимания. Опять. – Но не довольствуешься мирным существованием. Ты развязываешь войны, крадешь вооружение и даже корабли. Ты разжигаешь громадные пожары и чинишь прочие беды, кото-

рые приводят к массовой панике и нарушению общественного порядка среди смертных, и сотни людей попадают за решетку.

По ее лицу разлился румянец. Да, все вышеперечисленное – ее рук дело. Впервые сойдя на землю, она не знала, как контролировать свою бунтарскую натуру. Боги были в состоянии защититься от нее, люди – нет. Кроме того, она была почти... одичавшей после многих лет тюремного заточения. Маленькое замечание из ее уст – «Ты же не позволишь своему брату болтать о тебе такое, правда?» – и между кланами развязывалась кровавая вражда. Появление при дворе – можно, например, поднять на смех правителей и их политику – и вот уже преданные рыцари пытаются убить своего короля.

Что касается пожаров, то порой внутреннее «я» подбивало ее «случайно» уронить факелы, чтобы полюбоваться пляской пламени. Ну а кражи... она не могла противиться голосу в своей голове, что нашептывал: «Возьми. Никто не узнает».

В конечном итоге Аня выяснила, что, подпитывая свою жажду к беспорядку небольшими проделками – воровством по мелочи, безобидной ложью и уличными драками, – глобальных бедствий можно избежать.

– Я тоже подготовилась к встрече с вами, – негромко произнесла она. – Ведь и вы когда-то жгли города и убивали невинных.

Теперь пришел черед Рейеса краснеть.

– Вы больше не те, кем были прежде, так же, как и я... – Договорить Аня не успела, так как внезапно налетел ветер, свистящий и резкий. Она сморгнула, растерявшись на секунду, но быстро смекнула, что случится дальше.

– Проклятье! – выругалась она.

И точно, все воины вдруг застыли на месте, подчиняясь силе более могущественной, чем они сами. Время остановило свой бег. Даже Люсьен, который внимательно наблюдал их с Рейесом перепалку, превратился в камень.

Черт, и она тоже!

«Ох, нет, нет, нет», – подумала Аня, и невидимые тюремные решетки спали с нее, точно листва с дерева на пороге зимы. Ничто и никто не сделает ее пленницей. Больше нет. Ее отец об этом позаботился.

Аня шагнула к Люсьену, чтобы попытаться освободить его – сама не зная почему, после всего, что он ей наговорил, – но ветер прекратился так же внезапно, как и появился. Во рту у нее пересохло, а сердце в груди зашло в бешеном ритме танго. Ветер знаменует прибытие Кроноса, завладевшего небесным престолом всего несколько месяцев назад и установившего новые правила, новые желания и новые наказания.

Он нашел ее.

Вот радость-то. Как только перед ней возникла ярко-синяя вспышка, вибрирующая силой и разгоняющая тьму, Аня спешно телепортировалась. Она покинула Люсьена с чувством сожаления, испытывать которое вовсе не следовало, и унося с собой воспоминания об их поцелуе.

Глава 2

Черный туман окутал Люсьена, в голове пульсировала одна-единственная мысль: «Аня».

Он разговаривал с ней, пытаясь забыть, как идеально она ему подходит, как остро его желание и как в течение тех нескольких мгновений, пока она находилась в его объятиях, он предал бы всех и вся за еще пару минут с нею.

Никогда поцелуй не оказывал на него такого воздействия. Его демон фактически мурлыкал у него в голове. Мурлыкал, как прирученный домашний кот. Прежде такого не случалось, и Люсьен не мог уразуметь, что изменилось сейчас.

Должно быть, с ним что-то не так.

В противном случае с чего бы собственные слова о том, что Аня ничего для него не значит, едва не убили его? Он должен был это сказать ради ее блага и своего собственного. Желание такой силы опасно. Признаться честно, оно смертельно для его хваленного самоконтроля.

Самоконтроль. Люсьен фыркнул бы, если б мог шевельнуться. Совершенно ясно, что с этой женщиной он теряет всякий контроль над собой.

Зачем она притворилась, что хочет его? Зачем целовала так, будто умрет без его языка? Женщины просто не могут жаждать его подобным образом. Больше нет. Ему это известно лучше всех. Все же Аня фактически умоляла его о близости.

И теперь он не может выбросить из головы ее образ. Она высокая – идеальный рост – с эльфийским личиком и совершенной, слегка загорелой кожей, гладкой и мерцающей, эротичной. Он вообразил, как исследует языком каждый дюйм ее тела.

Ее грудь едва не вываливалась из лазурного корсета, а черная мини-юбка и сапоги на высоком каблуке выставляли ее восхитительные ноги в самом выгодном свете.

Волосы, такие светлые, что напоминают снежную бурю, волнами струились по ее спине. Широко посаженные глаза были того же лазурного оттенка, что и ее топ. Слегка курносый носик. Полные и красные, созданные специально для поцелуев губы. Ровные белые зубы. Она излучает порочность и наслаждение, являясь воплощением самых смелых мужских фантазий.

Вообще-то Люсьен не может выбросить ее из головы с тех пор, как несколько недель назад она ворвалась в их жизнь и спасла Эшлин. Тогда она не раскрыла своей восхитительной красоты, но ее клубничный аромат навсегда отпечатался в его памяти.

Теперь же, отведав ее на вкус, Люсьен чувствовал, как сердце колотится в груди, а раскаленное шипящее дыхание сжигает горло. Подобное ощущение он испытывал, видя своего друга Мэддокса с Эшлин, воркующих, как голубки, и льнущих друг к другу, словно опасаясь даже минутной разлуки.

Неожиданно туман рассеялся, освободив его разум и тело, и он увидел, что по-прежнему находится на улице. Аня пропала, а его приятели стоят вокруг, застывшие точно статуи. Прищурившись, он завел руку назад и коснулся одного из прикрепленных у него за спиной кинжалов. Что происходит?

– Рейес?

Нет ответа. Тот даже глазом не моргнул.

– Гидеон? Парис?

Ничего.

Что-то шевельнулось в тени. Люсьен медленно вытащил оружие, выжидая... готовясь сделать то, что необходимо... Тут в голове его мелькнула мысль. Аня могла бы забрать его кинжалы и воспользоваться ими против него, а он бы и не заметил. И не встревожился бы, потому что был поглощен ею. Но она их не взяла. Это означало, что она действительно не желала ему зла.

«Зачем она подошла ко мне?» – снова с удивлением подумал он.

– Здравствуй, Смерть, – раздался замогильный мужской голос. Никто не появился, но оружие было вырвано из рук Люсьена и отброшено наземь. – Тебе известно, кто я?

Люсьена пронзил всепоглощающий страх, хотя внешне он ничем не выдал своего состояния. Он не слышал голоса прежде, но знал, кому он принадлежит. Знал на подсознательном уровне.

– Властелин, – произнес он. Некоторое время назад Люсьена порадовало бы, что бог осведомлен о нем. Теперь уже нет.

Месяц назад титаны призвали к себе Аэрона, одержимого демоном Ярости, и приказали убить четырех смертных женщин. Без объяснения причин. Аэрон отказался и с тех пор сделался невольным гостем подземной темницы Владык, став угрозой для себя самого и для мира. Каждую минуту каждого дня его снедала жажда крови.

Люсьену было ненавистно видеть, как его друг деградировал до такого животного состояния. Хуже того, его мучило осознание собственной беспомощности, ведь, несмотря на всю свою силу, он ничего не может поделать. И все по вине существа, матери-ализовывающегося сейчас перед ним.

– Чем я заслужил такую... честь? – поинтересовался Люсьен.

Текущий как вода, Кронос вступил в лучи янтарного света луны. Густая копна его волос была серебристого оттенка, и борода тоже. Его высокое, стройное тело окутывал длинный льняной гиматион⁴, выделанный так искусно, что казался шелковым. Глаза его походили на темные непроницаемые озера.

В левой руке Кронос держал Косу Смерти – оружие, которым Люсьен был бы не прочь завладеть и обратить против самого жестокого бога, поскольку оно могло мигом снести голову бессмертному. Коса должна была принадлежать ему, Люсьену, как воплощению Смерти, но она пропала, когда Кроноса заключили в тюрьму. Люсьен гадал, как Кроносу удалось ее разыскать и мог ли он с той же легкостью найти ларец Пандоры.

– Не нравится мне твой тон, – обманчиво спокойным голосом произнес Кронос.

Этот тембр был хорошо известен Люсьену, поскольку он сам его использовал, стараясь держать эмоции под контролем.

– Приношу извинения. – Ублюдок. Ничто, помимо оружия, не говорило о том, что Кронос достаточно силен, чтобы вырваться из Тартара и сбросить с трона бывшего Верховного бога, Зевса. А он сумел. Жестоко и коварно, доказав всем сомневающимся, что с ним лучше не враждовать.

– Ты повстречал дикую и неуловимую Анью. – Тихий, как шепот, голос бога плыл в ночи, все же подобный могучему копыю, способному поразить целую армию.

Страх Люсьена усилился в сотни раз.

– Да, я ее встретил.

– Ты целовал ее.

Руки Люсьена сжались в кулаки – от пьянящих воспоминаний и от ярости, что это ненавистное создание подсмотрело миг его страсти. «Успокойся», – мысленно приказал он себе.

– Верно.

Кронос заскользил к нему беззвучно, как окружающая их ночь.

– Каким-то образом ей удавалось много недель избегать меня. Твоего же общества она сама ищет. Почему? Ты не думал над этим?

– Честно? Не знаю. – Так оно и было. Проявленный к нему Аньей интерес по-прежнему не имел смысла. Пылкость ее поцелуя наверняка была наигранной. Но все же она сумела воспламенить его – его тело, душу и демона.

---

⁴ Гиматион – верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани в Древней Греции.

– Не важно. – Бог приблизился к Люсьену и остановился, пристально глядя ему в глаза. От Кроноса даже пахло могуществом. – Теперь ты должен будешь убить ее.

При этом заявлении Смерть в мозгу Люсьена стал трясти прутья клетки, и Люсьен не был уверен, делает ли это демон из воодушевления или от негодования.

– Убить ее?

– Я слышу в твоём голосе удивление. – Наконец отведя взгляд от Люсьена, бог проплыл мимо, словно разговор окончен.

Кронос слегка задел Люсьена, но этого было достаточно, чтобы опрокинуть его. Люсьена будто машиной сбило. Мышцы свело, дыхание перехватило. Люсьен выпрямился, хватая ртом воздух, и обернулся. Кронос плыл в темноту, готовясь вот-вот исчезнуть.

– Не откажи в любезности, – окликнул его Люсьен. – Ответь, зачем ее... убивать?

Бог молвил не оборачиваясь:

– Она Анархия, несущая беды всем, кто с ней сталкивается. Это достаточная причина. Ты должен благодарить меня за оказанную честь.

Благодарить его? Люсьен сжал зубы, чтобы сдержать готовые сорваться с языка слова. Теперь ему сильнее прежнего хотелось снести Кроносу голову с плеч. Однако он остался на месте, зная, какой жестокой может быть месть богов. Он, Рейес и Мэддокс только что освободились от древнего проклятия, согласно которому Рейес вынужден был еженочно закалывать Мэддокса мечом, а Люсьену приходилось сопровождать душу друга в ад.

Проклятие смерти было ниспослано им греческими богами за то, что Мэддокс неумышленно убил Пандору. Насколько худшим будет проклятие титанов, если Люсьен обезглавит их Верховного бога?

Люсьену было плевать на то, что они сделают с ним, но он опасался за друзей. Они уже перенесли столько страданий, что их хватило бы на сотни жизней.

Все же он произнес:

– Я не желаю совершать это деяние. – «И не стану». Он подозревал, что уничтожение прекрасной Аньи само по себе проклятие.

Кронос как будто не двинулся с места, но мгновение спустя оказался стоящим прямо перед Люсьеном, пронзая его, точно мечом, взглядом своих ярких потусторонних глаз. Он протянул руку – и Коса замерла у шеи Рейеса.

– Сколько бы времени это ни заняло, воин, и каких бы действий ни потребовало, ты принесешь мне ее мертвое тело. Ослушаешься моего приказа – и ты, и все, кто тебе дорог, будете страдать.

Бог исчез в слепящем небесно-голубом свете так же быстро, как и появился, и все вокруг пришло в движение, словно никогда и не замирало. Люсьен никак не мог восстановить дыхание, понимая, что один взмах руки Кроноса мог забрать – и забрал бы – жизнь Рейеса.

– Что за черт? – проревел Рейес, глядя по сторонам. – Куда она подевалась?

– Она же только что здесь была! – воскликнул Парис, сжимая в руке кинжал.

«И ты, и все, кто тебе дорог, будете страдать», – сказал Кронос. Это не хвастовство, а истинная правда. Стиснув кулаки, Люсьен проглотил подступившую к горлу желчь.

– Давайте вернемся в клуб и насладимся остатком вечера, – только и сказал он. Ему требовалось время все обдумать.

– Эй, погоди-ка секунду, – начал было Парис.

– Нет, – качнув головой, отрезал Люсьен. – Тема закрыта.

Мгновение долгое, как вечность, они молча тарасились на него, потом согласно кивнули. Люсьен прошел мимо них, ни словом не обмолвившись ни о божественном визите, ни об исчезновении Аньи. И внутри клуба он продолжал хранить молчание. Воины разбрелись кто куда, не переставая бросать на него озадаченные взгляды.

Но проходящего мимо Рейеса Люсьен задержал.

Тот резко остановился и посмотрел на друга с удивлением.

Едва заметным жестом Люсьен указал на столик у дальней стены, который они занимали прежде. Рейес понимающе кивнул, они прошли туда и сели.

– Выкладывай, – велел Рейес, откидываясь на стуле и будничным взглядом обводя танц-площадку, будто они просто погоду обсуждают.

– Ты изучал Анью. За чье убийство она заслужила заключение? И почему?

Оглушительная музыка служила насмешливым фоном их разговору. Лучи света переливались на бронзовой коже и в темных как ночь глазах Рейеса. Он пожал плечами.

– В прочтенных мною пергаментях говорится лишь о том – кого, не называя причин. Айаса.

– Я его помню. – Люсьену никогда не нравился этот заносчивый ублюдок. – Вероятно, он это заслужил.

– Когда она убила его, он был Капитаном Бессмертной Гвардии. Подозреваю, что Аня учинила какой-то беспорядок, Айас намеревался арестовать ее – и они схватились.

Люсьен удивленно моргнул. Самодовольный, эгоистичный Айас занял его место? До открытия ларца Пандоры Люсьен был Капитаном – хранителем мира и защитником Верховного бога Олимпа. Однако когда в него поместили демона, он перестал соответствовать этому высокому посту и с него сняли обязанности. А потом его и помогавших ему воинов и вовсе изгнали с небес.

– Интересно, а не выбрала ли она тебя своей следующей жертвой? – как бы между прочим обронил Рейес.

Может, и так, хотя сегодня у нее была возможность, и она ею не воспользовалась. А он, без сомнения, этого заслуживает. Впервые сойдя на землю, они с друзьями принесли лишь мрак и разрушения, боль и страдания. Будучи не в силах контролировать своих демонов, они убивали всех без разбору, разрушая дома и семьи, неся голод и чуму.

Когда Люсьен научился подавлять зловещую часть своей сущности, было слишком поздно – на борьбу с ними поднялись охотники. В то время он их не винил, считая их гнев справедливым. Потом охотники убили Бадена, хранителя Неверия и товарища Люсьена по несчастью. Утрата ошеломила его, потрясла до основания.

С тех пор Люсьена перестали интересовать движущие охотниками мотивы, и он помог казнить каждого десятого, кто был виновен. Впоследствии, правда, ему захотелось мира с ними. В отличие от некоторых других воинов, жаждавших уничтожения всех охотников.

Поэтому Люсьен и еще пять воинов перебрались в Будапешт, где мирно просуществовали сотни лет. Несколько недель назад в город прибыли остальные шесть Владык, преследуя охотников, вознамерившихся раз и навсегда уничтожить Люсьена и его друзей. Кровавая вражда возобновилась, и на этот раз возможности сбежать не будет. Часть Люсьена и не желала сбежать. Не будет им покоя, пока не истребят всех охотников.

– Что еще ты узнал про Анью? – спросил он у Рейеса.

Воин пожал плечами:

– Как я уже упоминал на улице, она единственная дочь Дисномии.

– Дисномии? – Люсьен потер челюсть двумя пальцами. – Не припоминаю ее.

– Это богиня Беззакония – самая презренная из бессмертных Олимпа. Она переспала со всеми мужчинами, холостыми и женатыми без разбору. Никто даже не знает, кто отец Аньи.

– И подозрений никаких?

– Тут и говорить не о чем – у матери было по несколько любовников на дню!

Мысль о том, что Аня, как истинная дочь своей матери, тоже спит со всеми подряд, разозлила Люсьена. Он не хотел желать ее, но все же желал – причем отчаянно. Правда, он пытался сопротивляться. До тех пор, пока не выяснил, что она бессмертная. «Она не может

умереть, – подумал он тогда. – В отличие от смертных женщин ее не отнимут у меня, если я позволю себе увлечься ею. Мне не придется забирать ее душу».

Каким же он был глупцом. Следовало бы догадаться, ведь он Смерть. Забрать можно любого. Его друзей. Богиню. За день он видел больше утрат, чем другие за целую жизнь.

– Меня удивило, – признался Рейес, – что подобная женщина смогла произвести на свет дочь, так похожую на ангела. Трудно поверить, что прекрасная Аня на самом деле грешница.

Ее поцелуй действительно был греховным. Восхитительно греховным. Но женщина, которую он держал в своих объятиях, не показалась ему злой. Милой – да. Забавной – абсолютно точно. И – к его огромному удивлению – ранимой и нуждающейся в нем.

«Зачем она меня поцеловала?» – снова и снова гадал Люсьен. Отсутствие ответа на этот вопрос не давало ему покоя. Зачем она вообще танцевала с ним? Ей что-то от него нужно? Или просто решила испытать на нем свои чары? Соблазнить и поработить, а потом бросить ради кого-нибудь более привлекательного, все это время посмеиваясь над доверчивостью уroda?

Кровь застыла у Люсьена в жилах. «Оставь эти мысли. Ты только мучаешь себя». О чем же ему тогда думать? О ее смерти? Боги, он не уверен, что сможет совершить подобное.

Она помогла ему несколько недель назад, и теперь он у нее в долгу. Как он может убить женщину, которой обязан? Как может убить женщину, которую отведал на вкус? Снова? Он сжал ладонями свои колени, пытаясь подавить внезапно поднимающуюся в нем темную волну.

– Что еще ты о ней знаешь?

Несомненно, есть что-то еще.

Рейес снова безразлично пожал плечами:

– Над Аней довлеет проклятие, вот только неясно, какое именно.

Проклятие? Это открытие и шокировало, и рассердило Люсьена. Она страдает из-за этого? А ему-то что за дело?

– Есть упоминания о том, кто за это в ответе?

– Фемида, богиня Справедливости. Она из рода титанов, но предала их, чтоб помочь олимпийцам, когда те заявили права на небесный престол.

Люсьен сумел вызвать в памяти лишь туманный образ богини. Высокая, стройная и темноволосая. Аристократичные черты лица и красивые тонкие руки, подрагивающие, когда она говорит. Иногда она была мягкой, иногда – невыносимо резкой.

– Что ты помнишь о Фемиде?

– Лишь то, что она была женой Тартара – стража тюрьмы.

Люсьен нахмурился.

– Возможно, она прокляла Аню в отместку за вред Тартару во время ее бегства?

Рейес покачал головой:

– Если хронология в свитках верна, то Аню прокляли еще до тюремного заключения. – Он прицокнул языком. – Может, Аня – копия своей матушки? Может, она спала с Тартаром и тем самым разгневала богиню? Не потому ли большинство женщин желают зла соперницам?

Такое предположение не устраивало Люсьена. Он потер лицо, и шрамы показались такими выпуклыми, что расцарапали ладонь.

«Оцарапали ли они Аню?» – внезапно подумал он. Поврежденная ткань его щек залилась жарким румянцем унижения. Она наверняка привыкла к мужчинам без изъянов, а его запомнит как уродливого вояку, от которого на ее совершенной коже появилось раздражение.

Рейес провел пальцем по одному из пустых бокалов на столе.

– Не нравится мне быть у нее в долгу. И то, что она в клуб заявила, тоже. Как я уже говорил, за Аней тянется след из разрушений и хаоса.

– За нами тянется точно такой же след, куда бы мы ни шли.

– Мы к этому привыкли, хоть нам это и неприятно. А на ее губах играла улыбка, когда она соблазнила тебя. – Рейес нахмурился. – Видел я, как ты на нее смотрел. Как я на Данику.

Даника. Одна из смертных, которую Аэрому было приказано убить. Как подозревал Люсьен, Рейес хотел ее сильнее всего на свете, но был вынужден отпустить в надежде уберечь от жестокости богов. Люсьен полагал, что с тех пор Рейес сожалеет о своем решении, желая лично защищать девушку.

«Что же мне делать?»

Люсьен знал, чего ему *хочется*. Позабить Анью и по примеру Аэрона проигнорировать поручение Кроноса. Однако проигнорировать Верховного бога означало накликать кару – как это случилось с Аэроном. Друзья-воины не вынесут еще одной утраты, в этом он был уверен. Они и так балансируют на грани добра и зла. Еще немного – и они падут, отдавшись на милость своих демонов, перестанут подавлять постоянную тягу к разрушению.

Он вздохнул. Треклятые боги. Приказ с небес поступил в самое неподходящее время. Спрятанный неизвестно где, ларец Пандоры несет угрозу самому его существованию. Доберись до него охотник – и он сможет извлечь из Люсьена демона, тем самым убив его носителя, ведь мужчина и демон связаны неразделимыми узами.

Собственная кончина Люсьена нисколько не беспокоила, но он не хотел, чтобы пострадали его собраты, потому как чувствовал за них ответственность. Если бы только он не открыл ларец, чтобы отомстить за свою уязвленную гордость – не его выбрали хранителем этого артефакта, – его людям не пришлось бы носить в своих телах демонов. Он не разрушил бы их жизни, которыми они в качестве отборного воинства олимпийцев были вполне довольны. То было благословенное и беззаботное время. Даже счастливое.

Люсьен снова вздохнул. Он подумал с сожалением, что, чтобы уберечь друзей от новой боли, Анью необходимо убить, как и было приказано. А это, в свою очередь, означает, что ему придется выследить богиню. Иными словами, снова очутиться с ней рядом.

Мысль о том, чтобы еще раз оказаться рядом с Аней, вдыхать ее клубничным ароматом, ласкать ее мягкую кожу, и восхищала и мучила его. Даже вечность тому назад, когда он влюбился без памяти в смертную по имени Мэрайя, а она в него, он не желал ее с такой силой. Сейчас его терзает жаркая боль, заполняющая каждую частичку тела и никак не утихающая.

Мэрайя... милая, невинная Мэрайя, женщина, которой он отдал свое сердце вскоре после того, как научился управлять живущим внутри его демоном. Он тогда прожил на земле сотню – или две сотни? – лет, и время для него не существовало, а каждый следующий день походил на предыдущий. Потом он увидел Мэрайю, и жизнь обрела смысл. Он возжелал хорошую, чистую девушку, способную разогнать царящую вокруг него тьму.

Она осветила солнечным светом его непроглядную тьму, стала яркой свечой в безжалостном мраке, и он надеялся провести вечность, поклоняясь ей. Однако очень скоро ее поразила болезнь. Смерть моментально узнал, что ей не выкарабкаться. Люсьену следовало в тот же миг забрать ее душу, но он не смог себя заставить.

Неделями недуг терзал тело Мэрайи, постепенно разрушая ее. Чем дольше Люсьен тянул, надеясь на исцеление, тем сильнее она страдала. Ближе к концу она рыдала и с воплями молила о смерти. Скрепя сердце, зная, что им уже никогда не быть вместе, он наконец-то подчинился и исполнил свой долг.

Той ночью он и приобрел свои шрамы.

Люсьен исполосовал себя отравленным клинком и, как только раны почти заживали, резал себя снова и снова. Он даже жег себя до тех пор, пока не добился, что кожа перестала восстанавливаться. Убитый горем, он хотел сделать так, чтобы ни одна женщина больше и близко к нему не подошла, ведь тогда ему никогда не доведется опять страдать из-за потери возлюбленной.

Люсьен никогда не сожалел о своем поступке. До настоящего времени. Он собственноручно лишил себя шанса стать мужчиной, которого по-настоящему захотела бы Аня. Такая физически совершенная женщина, как она, заслуживает столь же совершенного мужчину. Он

нахмурился. Зачем он думает об этом? Она должна умереть. Влечение только все усложнит. Хотя все и так сложнее некуда.

Перед его мысленным взором снова возник образ Аньи, завладел сознанием. Ее лицо – праздник чувственности, а тело – невероятно сексуально. Будучи мужчиной, он взвыл от ярости при мысли об уничтожении такой красавицы. Будучи бессмертным воином... он тоже взвыл.

Возможно, ему удастся убедить Кроноса отменить приказ. Возможно... Люсьен фыркнул. Нет. Это не работает. Попробовать заключить сделку с Кроносом – еще глупее, чем игнорировать его. Верховный бог просто велит ему сделать что-нибудь еще более жуткое.

Черт подери! Почему Кронос хочет смерти Аньи? Что она натворила?

Отвергла его, предпочтя другого?

Взор Люсьена застлала пелена ревности, нахлынуло чувство собственности, но он не обратил на них внимания. Как и на звеневшее в ушах слово: «Моя».

– Я жду, – сказал Рейес, отвлекая его от размышлений.

Люсьен заморгал, пытаясь собраться с мыслями.

– Чего?

– Чтобы ты мне рассказал, что случилось на улице.

– Ничего не случилось, – тут же соврал Люсьен, как бы ему это ни было ненавистно.

Рейес покачал головой:

– Твои губы все еще припухшие после ее поцелуев, а волосы растрепаны – сразу заметно, где она запускала в них свои пальчики. Ты закрыл ее своим телом, когда мы хотели схватить ее, а затем она вообще исчезла. И ты по-прежнему утверждаешь, что ничего не случилось? Придумай историю поубедительнее, старина.

У Рейеса и без того забот достаточно, и Люсьен не хотел взваливать на его плечи еще и собственную ношу.

– Передай остальным, что я встречу их в Греции. Я не поеду со всеми, как планировалось.

– Что? – нахмурился Рейес. – Почему?

– Мне было приказано забрать душу, – только и сказал он.

– Забрать душу? Не просто сопроводить ее в рай или ад? Что-то я не понимаю.

Люсьен кивнул:

– Тебе и не надо понимать.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу этих твоих загадок. Скажи мне, чью и почему?

– Какая разница? Душа есть душа, и конец всегда одинаков, какие бы причины к нему ни привели. Смерть. – Люсьен похлопал Рейеса по плечу и встал из-за стола.

Прежде чем тот успел произнести еще хоть слово, Люсьен зашагал прочь из клуба, не останавливаясь до тех пор, пока не достиг того самого темного закутка, где целовал – и потерял – Анью.

Будто наяву, он снова услышал ее стоны, почти почувствовал, как ее ногти впиваются ему в спину, а бедра ударяются о его возбужденную плоть. Эрекция сохранилась до сих пор. Несмотря ни на что.

Желание по-прежнему держит его в своих когтях, но он отбросил его прочь и прикрыл правый глаз. Осматривая территорию голубым глазом – своим духовным глазом, – он увидел радугу мерцающих неземных оттенков. С помощью этих цветов он мог воссоздать все события, произошедшие в клубе, и все испытанные посетителями эмоции. Иногда ему даже удавалось определить, кто и что совершил.

Он проделывал это бесчисленное число раз, потому без труда отыскал в общей массе признаки недавней активности. Возле заново отстроенной и окрашенной стены здания ощущались вспышки страсти.

Поцелуй.

В духовном измерении страсть Аньи представляла в искрящемся розовом цвете. И была подлинной, а не наигранной, как казалось Люсьену. Розовый след сверкал ослепительно, как ничто из виденного им ранее. Неужели она по-настоящему желала его? Неужели столь физически совершенное создание сочло его достойным себя? Это казалось невозможным, но все-таки доказательство сияло перед ним, как путь к спасению посреди шторма.

Мышцы живота у него напряглись, тело захлестнула волна жара. От стремления снова отведать Анью на вкус рот его наполнился слюной. Острая боль пронзила сердце. Ах, снова ласкать ладонями ее груди, ощущая, как от прикосновения затвердевают соски! На этот раз погрузить пальцы во влажные ножны меж ее бедер, двигать ими вперед-назад, поначалу неспешно, а затем все быстрее и быстрее. Она кончит и, может быть, попросит еще. Он застонал.

«Она должна умереть от твоей руки. Не забывай об этом».

«Будто бы я могу это сделать», – сжимая кулаки, подумал он.

– Куда же ты отправилась? – пробормотал он, следуя за вспышками туда, где Анья стояла, когда оттолкнула его. Мигающий голубой. Грусть. Она была огорчена? Тем, что он сказал, будто она не имеет значения? Осознание этого наполнило его чувством вины.

Он внимательнее присмотрелся к цветам. К голубому примешивался яркий пульсирующий красный. Ярость. Он, должно быть, задел ее за живое, и она рассердилась. Чувство вины в нем нарастало. В свое оправдание он мог сказать лишь, что не сомневался: она играет с ним и не хочет его по-настоящему. Он и не подозревал, что ее будет заботить его ответное желание.

Этим Анья чрезвычайно его поразила.

Продолжая разбирать цвета, он наткнулся на слабый след белого. Страх. Что-то ее испугало. Но что? Почувствовала ли она Кроноса? Увидела его? Узнала, что он готовится вынести ей смертный приговор?

Люсьену не понравилось то, что она была испугана.

Чувствуя, что мышцы его напряжены до предела, он последовал за безмолвным белым следом. Двигаясь, он позволил своему телу целиком слиться с демоном Смерти, стать духом, полуночным туманом, способным мгновенно перемещаться с места на место.

Как вскоре обнаружилось, след Аньи привел в их с воинами крепость. В частности, в его спальню. Там она надолго не задержалась, походила из угла в угол и телепортировалась в... спальню Мэддокса и Эшлин.

Люсьен сконфуженно нахмурил брови. Почему сюда? Парочка в обнимку спала на кровати, их щеки покраснелись от недавнего секс-марафона – в этом он был уверен.

Стараясь подавить внезапный порыв зависти, Люсьен снова взял след Аньи и перенесся... в незнакомую квартиру.

Сквозь трещины в черных оконных ставнях пробивался лунный свет. До рассвета далеко. Так он все еще в Будапеште? Мебели почти нет: у стены коричневый диван с потертой обивкой да плетеное кресло с торчащими планками, которые будут колоть сидящего в спину. Ни телевизора, ни компьютера, ни других удобств современного мира, к которым Люсьен начал постепенно привыкать.

Из соседней комнаты доносилось звяканье кинжалов, так хорошо знакомое Люсьену. Он поплыл на звук, зная, что, кто бы ни был внутри, его не увидит.

На пороге Люсьен застыл как вкопанный, шокированный открывшимся его глазам зрелищем. Даника, обреченная женщина, которую воделеет Рейес, снова и снова всаживала два кинжала в свисающее со стены чучело в рост человека. Чучело, имеющее сходство с Рейесом и Аэроном.

– Похитишь меня, да? – бормотала она. С висков и груди ее капал пот, пропитывая серую майку. Длинные светлые волосы прилипли к шее. Надо было упражняться часами, чтобы так вспотеть в холодном помещении.

Зачем Аня приходила сюда? Даника скрывается или скрывалась. То был единственный способ обеспечить этой смертной некое подобие жизни, прежде чем Аэрон выследит ее на крыльях Ярости, как повелели боги. Рано или поздно он так и сделает. Его побег из темницы – всего лишь вопрос времени. Ни один из воинов не смог заставить себя лишиться его последних крупиц свободы, заковав в созданные самими богами цепи – а они единственные и могли его сдержать. Так что Аэрон в конце концов сбежит.

Люсьен испытывал искушение обнаружить свое присутствие и поговорить с Даникой, но сдержался. Он запомнился ей как злодей, поэтому вряд ли она станет помогать ему в поисках Ани. Он потер челюсть двумя пальцами. Какие бы цели богиня Анархии ни преследовала, она явно интересуется всей Преисподней. Чем еще больше сбивала его с толку.

Ответов здесь не было, только новые вопросы, поэтому Люсьен не стал тратить больше ни минуты. Следуя за светящимся следом Ани, который из-за гнева снова стал ярко-красным, он перенесся в... магазин товаров повседневного спроса. Так вроде смертные их называют.

Люсьен нахмурился, сведя брови на переносице. Он уже не в Будапеште, поскольку за окнами ярко сияет солнце. По магазину снуют люди, оплачивая бензин и покупая легкие закуски.

Невидимый, Люсьен выбрался наружу. По проезжей части несется нескончаемая лавина желтых машин, а по тротуару течет бурлящая толпа пешеходов. Отыскав переулок потемнее, Люсьен материализовался без свидетелей. Движимый любопытством, он вернулся в магазин. На двери звякнул колокольчик.

Женщина ойкнула, заметив его, и поспешно отвернулась. Ребенок показал на него пальцем и был одернут матерью. Все от него шарахались, стараясь все же сделать свое отступление как можно менее заметным, чтобы не показаться грубыми. Люсьен, не извинившись, обошел стоящую к кассе очередь.

Никто не возражал.

Кассиром оказался подросток, с виду похожий на Гидеона: синие волосы, пирсинг, татуировки. Жует жвачку и кидает деньги в кассу. Однако ему недостает присущей Гидеону диковатой силы. Бросив быстрый взгляд на бирку у парня на груди, Люсьен узнал его имя.

– Дэннис, ты не видел светловолосую женщину в короткой черной юбке...

– И льдисто-голубом топе, которого будто и нет вовсе? Как же, видел, – закончил за него Дэннис, захлопывая кассу.

По акценту парня Люсьен догадался, что попал в Штаты. Дэннис поднял голову и замер. Сглотнул.

– Ух, да. – Голос его дрогнул. – Я видел. А что?

Люсьеном разом овладели три чувства, ни одному из которых он не обрадовался: ревность оттого, что другой мужчина любовался Аней, предвкушение скорой встречи и ужас оттого, что найдет ее.

– Она с кем-нибудь говорила?

Парнишка отступил на шаг и покачал головой:

– Нет.

– А купила что-нибудь?

Повисло напряженное молчание, будто парень опасался своим ответом разозлить Люсьена.

– Типа того.

Типа того? Не дождавшись от Дэнниса пояснений, Люсьен процедил сквозь зубы:

– И что она, типа, купила?

– А... а в-в-вам что за дело? Вы коп, что ли? Или бывший муж?

Люсьен прижал язык к небу. «Спокойствие, – велел он себе, – сохраняй спокойствие». Он вперился взглядом в побледневшего Дэнниса, пригвоздив того к месту. В воздухе запахло розами.

Дэннис опять сглотнул, но глаза его начали стекленеть.

– Я задал тебе вопрос, – негромко произнес Люсьен, – и сейчас ты на него ответишь. Что купила женщина?

– Три леденца на палочке со вкусом клубники и сливок, – последовал ответ. – Вот только она их не купила. Она просто схватила их и вышла. Но я не пытался ее остановить, клянусь.

– Покажи мне леденцы.

По очереди пронесся протестующий рокот, но Люсьен одним взглядом заставил людей умолкнуть. Дэннис встал из-за кассы, подошел к полке со сладостями и указал на полупустую коробку леденцов.

Люсьен сунул парочку в карман, запретив себе их нюхать, как бы сильно ни хотелось, и вытащил несколько купюр. Не та валюта, но дать парню хоть что-то все же лучше, чем ничего.

– Сколько я должен?

– Я угощаю. – Дэннис вскинул руки в притворном проявлении дружелюбия.

Люсьен хотел было силой всучить деньги, но решил не устраивать еще большее представление и спрятал купюры обратно в карман.

– Возвращайся за кассу, – велел он, медленно осматривая магазин.

В духовном измерении витали миллионы и миллионы цветов. Сортировать их оказалось делом весьма утомительным, но никто не осмеливался его беспокоить, и он сумел-таки вычислить уникальный след Аньи.

Кровь в его жилах вскипела.

Все в Анье взывало к нему, притягивало его – даже оставшийся после нее легкий туман. Если он не будет осторожен, то попадет в ее ловушку. Аня такая... пленяющая. Прекрасная загадка.

Покинув магазин, Люсьен вернулся в темный переулок, откуда дематериализовался обратно в мир духов. Он телепортировался в следующее место...

И наконец-то нашел Аню в парке.

При виде ее грудь его снова пронзила острая боль, дышать стало тяжело. В настоящий момент она выглядит безмятежной и ничем не напоминает искусительницу из ночного клуба. Она сидит на качелях, омываемая золотым сиянием солнечного света. И раскачивается.

Прижавшись виском к цепи, на которой висят качели, Аня кажется погруженной в свои мысли. Ее шелковистые серебряные волосы каскадом струятся по рукам, разлетаются вокруг милого эльфийского личика от дуновения ветра.

Люсьена охватило неодолимое желание заключить ее в объятия, крепко прижать к себе.

Выглядела ли когда-либо женщина столь ранимой? Выглядела ли когда-либо женщина столь одинокой? Она облизывает один из украденных ею леденцов, вода кончиком розового языка по розовой же конфете. Член Люсьена тут же отреагировал. «Нет. Ничего подобного». Но желание от этого приказа меньше не стало.

«Сколько бы времени это ни заняло, воин, и каких бы действий ни потребовало, ты принесешь мне ее мертвое тело, – велел Кронос. – Или все, кто тебе дорог, будут страдать».

Люсьен вспыхнул от гнева, но быстро подавил этот порыв. Никаких эмоций. Ведь он Смерть. Сейчас у него нет другой цели. Эмоции лишь послужат помехой – он хорошо это знает.

«Сколько бы времени это ни заняло», – эхом прозвучал у него в голове голос Кроноса.

На мгновение, одно краткое мгновение, Люсьен задумался о том, чтобы действительно потянуть время. До бесконечности. «Ты знаешь, что бывает, когда ты колеблешься. Тот, кому суждено умереть, страдает гораздо тяжелее, чем предполагалось поначалу. Просто сделай, что должен! В противном случае твоих друзей постигнет страшная участь».

Исполненный решимости, Люсьен материализовался и шагнул вперед. Гравий скрипнул под его ботинками, и Аня вскинула голову. Их взгляды встретились. Ее голубые глаза расширились, полыхнув таким неистовым жаром и томлением, что опалили его.

Она раскрыла рот от удивления и прыгнула с качелей:

– Люсьен.

Сладость ее голоса смешивалась с ароматом клубники со сливками. Тело Люсьена напряглось от желания, решимость стала таять. Опять. «Будь сильным, черт тебя дер!»

Не подозревая о грозящей ей опасности, Аня оставалась на месте, глядя на Люсьена сквозь густые ресницы.

– Как ты меня нашел?

– Не ты одна способна выследить бессмертного, – парировал он, дав только половину ответа.

Ее жаркий взгляд блуждал по его телу, и Люсьен подумал, уж не раздевает ли она его мысленно?

Женщины на него так не смотрят. Больше нет. А то, что эта так пялится... Ему становилось все труднее сдерживать свои порывы, а член с каждой секундой делался все более твердым.

– Ты пришел завершить начатое, не так ли, Цветочек? – страстно спросила Аня.

– Нет, не за этим, – ровным тоном ответил он. «Иного пути нет. Ты должен исполнить поручение».

Она поджала свои пухлые красные губки.

– Зачем тогда... – Ахнув, она уперла руку в бедро. – Оскорблять, значит, снова явился? Говорить, что я не важна, да? Я этого не потерплю, знаешь ли!

Подозрения Люсьена о том, что своими словами причинил ей боль, подтвердились, и его снова затопило чувство вины. Как глупо испытывать вину, когда твоя цель – лишить другого жизни. Все же эмоция была слишком сильна, чтобы с ней бороться.

– Я пришел не за этим, – произнес он, на этот раз добавив: – Мне жаль, Аня, но я пришел убить тебя.

Глава 3

«Я пришел убить тебя».

Слова эхом разнеслись в голове Аньи – жестокое обещание, которое ничем нельзя заглушить. Люсьен никогда не шутит. Она хорошо это знает, ведь, наблюдая за ним столько недель, не заметила на его губах ни единой улыбки, ни намек на шутку. Более того, сейчас в нем отчетливо виден дух Смерти – просвечивающий сквозь кожу скелет.

Воздух наполнился ароматом роз, почти гипнотическим, умоляющим ее сделать все, что он ни попросит. Даже умереть.

У Аньи екнуло сердце. Однажды она видела, как он забирает душу, – это было невероятно красивое зрелище, – но никогда не думала, что станет непосредственным участником. Она как-никак бессмертная. Однако ей ли не знать, что и бессмертных можно уничтожить.

Впервые мыслью о смерти она прониклась в ту ночь, когда вырезала сердце из груди Капитана Бессмертной Гвардии, раз и навсегда положив конец его нечестивому существованию. А после ее ареста и последующего заключения, пока боги обсуждали, как с ней поступить, мысль эта обрела еще более реальные очертания.

Анье казалось, что с каждым проведенным в заточении днем тюремные решетки все плотнее сжимаются вокруг нее, а крики и стоны других заключенных звучат все громче. А может, то были ее собственные вопли. Невозможность утолить жажду создания беспорядка причиняла ей невыносимые страдания.

Она быстро поняла, что даже жизнь бессмертного существа имеет пределы. И решила бороться за свою до конца. Невзирая ни на что. Никто и никогда не лишит ее снова свободы – ни физической, ни эмоциональной.

Боги посчитали иначе, решив в конечном итоге сделать ее сексуальной рабыней для своих воинов. «Подходящее наказание», – сказали они. Раз она убила Капитана, пусть утешает всех бывших под его командованием воинов.

Это уничтожило бы ее – разум, тело и душу, ослабило бы решимость. К счастью, за ней пришел отец, спас ее, не побоявшись кары богов. Она снова получила свободу и шанс обрести счастье, которого всегда жаждала.

А теперь Люсьен – мужчина, которого она желала, которого поцеловала, – хочет оборвать ее жизнь, лишив всего? Внутри ее бурлили тысячи разных эмоций, и она не знала, какую выбрать первой. Гнев? Удивление? Боль?

– Почему ты хочешь убить меня? – потребовала она ответа.

– Я не хочу тебя убивать, но должен. Ты, похоже, слишком дикая, чтобы разгуливать на свободе.

Его слова ранили! Одно дело, что ее отвергает весь Олимп, – к этому она привыкла. Но по какой-то причине, несмотря ни на что, мнение Люсьена имеет для нее значение.

– Как ты меня нашел? – снова спросила она.

На его холодном лице не появилось ни проблеска эмоций.

– Это не имеет значения.

– Я могу исчезнуть, не успеешь ты и глазом моргнуть.

– Если сбежишь, я снова тебя разыщу. Куда бы ты ни отправилась, я всегда приду за тобой.

Его слова показались Анье пугающими и соблазнительными одновременно.

– Почему тогда ты на меня не нападаешь? Давай, делай свое дело, и не придется за мной гоняться.

Он вздернул подбородок и упрямо сжал челюсти.

– Так и будет. Но прежде хочу выбросить тебя из головы.

Изо всех сил стараясь выглядеть непринужденно, она прислонилась спиной к цепи качелей.

– Уж и не знаю, чувствовать мне себя польщенной или оскорбленной, миленький. Неужели дикая маленькая Аня так плохо целуется, что отвращение от осознания того, что твой язык побывал у нее во рту, преследует тебя до сих пор? – Ее беззаботные слова были под стать внешнему виду, – во всяком случае, она на это надеялась, хотя внутри трепетала.

Почему при виде Люсьена она по-прежнему испытывает смятение? Что еще хуже, теперь, зная, каков он на вкус, каково ощущение его прижатого к ней тела и обнимающих ее рук, притягивающих ближе, ее реакция на него усилилась в сотни раз.

Она жаждет большего. «Похоже, нужно наведаться к психоаналитику».

– Ты, я уверен, и сама прекрасно знаешь, как хороши твои поцелуи. – В его словах чувствовалась легкая примесь горечи.

– Говоришь так, будто это преступление.

– Так и есть.

Глаза Ани превратились в узкие щелочки. Нельзя сказать, что на протяжении долгого существования она полностью лишала себя плотских утех, но и распутницей не была. Зачем ей это, если даже до проклятия она познала боль от навешенного на нее ярлыка «легкодоступная»?

Однако, как и все, Аня жаждала восхищения и привязанности. Ей нравилось, как на нее смотрят мужчины, и нередко, лежа в постели без сна, она мечтала о сексуальных отношениях, которых не могла себе позволить.

– Аня, мы можем сделать все очень просто.

– Что, опять поцеловаться?

Люсьен натужно сглотнул:

– Я о твоей смерти.

«Не реагируй на него». Хороший воин всегда использует чувства противника против него, а Люсьен чертовски хороший воин. Но и она тоже.

– Расскажи-ка мне снова, почему ты хочешь меня убить, Кексик. Что-то я запамятовала. У него под глазом задергался нерв.

– Уже рассказал. Я не хочу убивать тебя, но боги приказали мне сделать это.

И никто, даже Владыка Преисподней, не может ослушаться богов без серьезных последствий для себя. От страха у нее скрутило живот. Все же она порадовалась, что Люсьен действует не по своей инициативе.

– Все боги или какой-то конкретный? – поинтересовалась она, хотя ответ был ей отлично известен.

– Один. Кронос.

– Вот сволочь! – воскликнула она и мысленно добавила: «Надеюсь, ты слушаешь, жадный трус».

Люсьен поежился от страха, показывая, что в самом деле боится гнева предводителя богов. И не напрасно. Кронос явно прогулял школу в тот день, когда там учили милосердию.

Едва вырвавшись из небесной тюрьмы, титан быстро и жестоко расправился с олимпийцами, а выживших бросил в темницу. Именно тогда Аня вернулась на небеса и кое-кого освободила. Кронос поймал ее и снова заточил в темницу, требуя в обмен на свободу ее величайшее сокровище. Она сбежала, прежде чем он успел покарать ее за отказ. Очко в пользу команды «Аня». Вскоре после этого он нашел ее во второй раз и пригрозил натравить на нее Владык. Теперь они с Люсьеном вот-вот застрянут в «круге третьем». Очко команде «Кронос».

– Уверен, что стоит подчиниться такому подлецу, а? – спросила она.

Люсьен вперился в нее взглядом, порабощая, подавляя решимость.

– Я должен это сделать, поэтому, что бы ты ни говорила, меня не переубедишь.

Она изогнула бровь, изо всех сил стараясь выглядеть уверенно.

– Давай поспорим?

– Нет. Это лишь даст тебе ложную надежду.

Меж ними повеял легкий ветерок, разметав пряди волос вокруг лица Люсьена. Он убрал их за уши, чтобы ничто не нарушало невидимой связи между ним и Аней.

Теперь черные стрелы его бровей, гордая линия носа и неровные очертания покрытых шрамами щек сделались более отчетливыми. Но Аня смотрела лишь ему в глаза. Коричневая радужка, казалось, приковывает ее к месту, в то время как голубая кружится в вихре, затягивая все глубже и глубже в мир, где существует только Люсьен.

«Слушайся меня. Покорись», – прошелестели в ее голове слова.

Она стиснула челюсти и сжалась. Она знает, знает, что он пытается сделать. Убаюкать ее ощущением спокойствия и заставить добровольно принять смертельный удар.

Черта с два. С ней такие штучки не пройдут. За века своего проклятия она хорошо овладела одним искусством – давать отпор мужчине. Тряхнула головой, освобождаясь от чувственной хватки Люсьена. «То-то же».

«Не реагируй на него», – напомнила себе, переводя взгляд на его мощный торс и раздумывая, что делать дальше. При этом она не переставала посасывать свой любимый клубничный леденец.

– Ты у меня в долгу, Цветочек, и сейчас пришло время платить по счетам. Ты не будешь меня убивать.

Повисла мучительная пауза, затем Люсьен произнес:

– Ты знаешь, что я должен. – Он напрягся, словно собираясь с силами. – Попроси меня сделать это безболезненно. Это в моих силах. Попроси поцеловать тебя прежде, чем заберу твою душу. Это тоже в моих силах.

– Извини, Пупсик, мое требование неизменно – ты не будешь меня убивать. Напомню, что несколько недель назад я пообещала убить тебя, если попытаешься улизнуть от выполнения своих обязательств.

Новая пауза, более тяжелая и длительная. Агонизируя, Люсьен запустил руку себе в волосы.

– Почему Кронос желает твоей смерти?

– Ты уже ответил на этот вопрос. Я слишком дикая.

Аня села обратно на качели и медленно провела рукой вниз по ноге, незаметно нырнув ладонью за голенище сапога и обхватив рукоятку спрятанного там кинжала. Хоть она и сходит с ума по этому мужчине, несмотря на его миссию, без боя не сдастся.

– Я не верю, что это единственная причина, – возразил Люсьен.

– Может, он хотел ко мне подкатить, а я над ним посмеялась. – Ложь. Однако правду признавать она отказывалась, так что приходится врать.

На лице Люсьена отразилась эмоция, которую Аня не сумела распознать. Знала лишь, что это что-то мощное и бескомпромиссное.

– А может, он был твоим любовником, а ты предпочла ему другого? Раздразнила и бросила, оставив в дураках.

Прищурившись, Аня снова пристально посмотрела на Люсьена и вскочила на ноги, пряча кинжал за спиной.

– Какие грубые слова. Нужно мне унижаться до игр с мужчиной, который меня не интересуется.

Люсьен пробормотал нечто весьма похожее на «но со мной же ты играла».

Она гневно нахмурила брови:

– Можешь думать что угодно, но причин обижаться у тебя нет.

– Ты Анархия. Сомневаюсь, чтобы тебя волновали чувства других людей.

– Ты меня совсем не знаешь, – огрызнулась она.

– Я знаю, что ты танцуешь так, будто занимаешься сексом, и что на вкус ты как мужская погибель.

Будь он проклят. Он мог бы возбудить ее одними этими словами. А в сочетании с хриплым, текучим, как вино, голосом – и подавно. Позабыв о гневе, Аня готова была упасть в его объятия. Не желая признавать этого, она сказала:

– Внесу поправку. Ты не груб. И не жесток. – Не свидетельствовали ли его слова о том, что теперь ее влечет к нему еще сильнее?

– И тем не менее это правда. – Склонив голову набок, Люсьен окинул ее пристальным взглядом. Хотя он снова нацепил маску безразличия, вокруг него сияла раскаленная добела аура. – Ты всегда так беспечна в своих привязанностях?

В его тоне не было осуждения, но все же вопрос рассердил ее. Она вспомнила, как несколько богов спрашивали то же самое у ее матери и как в глазах Дисномии появлялся проблеск боли всякий раз, как любовник предполагал, что она недостаточно хороша для него. Люсьен за это заплатит.

Делая вид, будто ей все равно, Аня опоясала леденец языком, вкушая его фруктовую сладость, но тем временем сжала рукоятку спрятанного за спиной кинжала с такой силой, что ногти глубоко впились в ладонь.

– Что, если и так? – наконец протянула она. – Большинство мужчин свободны в своих привязанностях и восхваляемы за это. Их почитают, как богов секса.

Люсьен проигнорировал ее замечание. Очевидно, Владыки знают в этом толк.

– Прежде чем я... – Сжав губы, он покачал головой. Должно быть, передумал, потому и оставил фразу незавершенной. – Объясни-ка мне кое-что. – Будто бы сообразив, что так он от нее ответов не добьется, добавил: – Пожалуйста.

Она игриво похлопала ресницами.

– Для тебя что угодно, Пирожок.

– Скажи мне правду. Зачем ты целовала меня? Ты могла бы заполучить Париса, Рейеса, Гидеона или любого другого. Они бы не возражали. Наоборот, возжелали бы тебя в ответ.

«Возжелали бы тебя в ответ», – мысленно передразнила она. В отличие от него, который никогда ее не захочет. Черт подери, она не собачий корм! И почему он просто не может принять, что она хочет именно его, а не кого-то другого?

Возможно, и к лучшему, что он счел ее страсть наигранной, решила Аня. По крайней мере, это поможет ей сохранить лицо, ведь она «ничего для него не значит» и он «не хочет ее». Осел.

– Возможно, я прознала, что Крони-Вони собирается приказать тебе убить меня, и намеревалась подмаслить тебя как булочку на завтрак, чтобы ты не подчинился ему. – Вот. Как ему это понравится?

Его резкие, дикие черты осветило понимание.

– Наконец что-то начало проясняться, – процедил Люсьен с едва заметной ноткой разочарования.

Или разочарование ей только послышалось? Он вообще-то явился убить ее. Едва ли он испытывает к ней нежные чувства.

«Покорись мне».

Черта с два. Она взглянула ему в лицо и снова попала в ловушку. Его голубой глаз по-прежнему словно кружил в вихре, а карий смотрел так притягательно, что она добровольно утонула бы в нем. У нее в животе запорхали бабочки.

Нет, нет, нет! Оскалившись, Аня резко отвела взор. «Пырни его кинжалом, чтобы притормозить, а затем убирайся отсюда». Эту мысль и нужно претворить в жизнь. Люсьен бессмертен, он исцелится. Но, гори все синим пламенем ада, она не готова покинуть его. Она

неделями ни с кем не разговаривала, так как была слишком увлечена преследованием, подглядыванием. Вождением Люсьена.

«Не имеет значения, что ты хочешь. Нанеси удар прежде, чем это сделает он».

– Даю тебе последний шанс отплатить мне услугой за услугу, защитив меня от Кроноса, – обратилась она к нему.

– Извини, но это невозможно.

– Что ж, ладно. Раз мы во всем разобрались, – произнесла она своим самым знойным тоном, – давай повеселимся.

Облизав леденец, Аня перенесла вес на левую ногу, отчего юбка на правом бедре приподнялась, приковав внимание Люсьена к обнажившейся коже. Именно на это Аня и рассчитывала.

В его глазах промелькнул едва заметный огонек желания, которое он не мог скрыть. «Слишком поздно». Она метнула кинжал.

Прежде чем он догадался о ее намерениях, в воздухе просвистело серебристое лезвие и вонзилось ему в сердце. Его тело забило в судорогах, глаза вылезли из орбит.

– Ты меня ранила, – недоверчиво выдохнул он. Скривившись, выдернул окровавленный кинжал и, прижав ладонь к ране, взглянул на свои окрасившиеся багрянцем пальцы. Гнев оказался сильнее недоверия.

– Можешь оставить себе кинжал как сувенир.

Послав ему воздушный поцелуй, Аня телепортировалась на ледяную глыбу в Антарктике, зная, что он последует за ней, и намереваясь заставить его страдать. Ее немедленно атаковал морозный ветер, от которого легкая одежда, конечно, не спасала. Холод пробрался сквозь кожу и мышцы прямо до костей, и Аня застучала зубами.

Пингвины, переваливаясь, поспешили убраться от нее подальше. Вокруг вихрились бурлящие водовороты. На многие мили окрест глаза не различали ничего, кроме мрака, единственным светом в котором были золотые лунные лучи, отражающиеся от ледников.

Будь она человеком, замерзла бы до смерти за считанные секунды. Будучи богиней, Аня просто чувствовала себя несчастной.

– Оно того стоит, – сказала она.

Вырывающееся изо рта дыхание превращалось в густой клубящийся у лица туман. Если ей сейчас плохо, то насколько хуже будет раненому Люсьену, когда он...

Люсьен материализовался прямо перед ней. Аня увидела его явственно, как при свете дня.

Он имел весьма хмурый вид и скалил свои идеальные белые зубы. Рубашку он снял, являя взору Ани скульптурные мускулы живота. Дорожки волос, обычно сбегаящей у мужчин от пупка к паху, у него не было, и торс также был лишен растительности. Его кожа медового оттенка с жемчужным напылением с одного бока казалась гладкой, как прикосновение бархата к стальному клинку, а с другого – испещренной неровными шрамами. При этом Ане так хотелось полизать оба бока, что слюнки текли.

Его крошечные коричневые соски были тверды, как наконечник стрелы. Как было бы восхитительно провести по ним языком! Грудь перепачкана кровью, и прямо над сердцем зияет глубокая рана, которая, однако, уже начала затягиваться.

Его вид – окровавленного после битвы, разгневанного и готового к продолжению – возбуждал Аню. Ноги ее ослабели. «Ты же ненавидишь слабость». Но, черт возьми, как же это приятно. Неужели Люсьен всегда будет так на нее влиять?

«Глупая девчонка».

Порыв ветра с силой ударил в него, заставив пережить мучительное мгновение, когда кровь и кислород замерзают внутри тела.

– Аня! – рявкнул он.

– Рада видеть тебя снова, Цветочек.

Не медля больше ни секунды, напрягая все силы, она столкнула его в воду.

Он мог бы схватиться за нее, чтобы удержаться, но не сделал этого, предпочтя упасть, но не утянуть ее за собой. Как... мило. Мерзавец! Нет у него права быть с ней милым.

Плюхнувшись в воду, он зарычал от ярости, удивления и мучительной боли. Несколько капель брызнули Анье на бедро, и она задохнулась от холода.

– Аня! – взревел Люсьен, выбираясь на поверхность.

– За ванну можешь не благодарить. Это меньшее, что я могла для тебя сделать, после того, как залила кровью твою грудь. Нужно же было тебя отмыть. Ну ладно, пока!

– Не уходи, – поспешно произнес он. – Пожалуйста.

Не в силах совладать с собой, она замешкалась:

– Почему нет?

Вместо того чтобы перенестись на ледник, он, удерживаясь в воде в вертикальном положении, посмотрел на нее снизу вверх.

– Ты же не хочешь меня сердить.

Облако уплыло прочь, и с шелкового чернильно-черного неба прямо на Люсьена полились густые золотые лучи.

– Иначе что? Превратишься в громадного зеленого монстра? Не хочу тебя огорчать, Цветочек, но этим ты меня не возьмешь. Веселой разморозки.

Со смехом помахав ему кончиками пальцев, Аня телепортировалась на свой любимый частный пляж на Гавайях.

Ее мгновенно окутало тепло, и солнечные лучи растопили иней на коже. Обычно, бывая здесь, она раздевалась и валялась на песочке, наслаждаясь покоем и безмятежностью. Иногда запиралась в окруженном пальмами домике в четверти мили отсюда, чтобы расслабиться и посмотреть фильмы.

На этот раз она осталась на берегу и не стала снимать одежду, выбросила леденец и вытащила из сапог еще два кинжала. Зажав их в руках, она затаилась в ожидании.

Мгновение спустя в поле ее зрения появился хмурый дрожащий Люсьен. Его посиневшие от холода губы сжались в недовольную ниточку, волосы обледенели, а кожа мерцала кристаллизировавшейся влагой.

– Благодарю... за пляж, – процедил он сквозь зубы.

– Как, черт подери, тебе удастся следовать за мной? – требовательно спросила Аня, вздернув подбородок и пронзая Люсьена убийственным взглядом.

По какой-то неведомой причине на этот раз Люсьен соблаговолил ответить:

– Ты оставляешь энергетический след везде, где бываешь. Я просто иду по нему. Если бы ты не явилась мне в клубе, я ни за что не смог бы тебя вычислить.

Чудненько. Теперь ей никогда не удастся отделаться от него. И все из-за дурацкого желания потанцевать с ним. Следовало держаться в тени! «Должно быть, я куда больше похожа на мать, чем думала».

– Я не намерена облегчать тебе задачу, – сообщила она.

Его гнев немного утих, а губы изогнулись в подобии улыбки.

– Так я и думал.

Как он смеет сейчас шутить? От этого у него смягчаются черты лица, и он становится невероятно привлекательным. И где все это было вчера или позавчера?

– Я тебе уже говорил и повторю снова, – произнес Люсьен. – Я не желаю тебе зла.

– Ну надо же! – Она тряхнула головой, заставив свои светлые локоны танцевать по плечам. – Тогда все в порядке. Давай, убей меня! – Каждое ее слово сочилось сарказмом.

– Аня.

– Заткнись. Я была добра с тобой, помогла тебе и твоим друзьям, и это твоя благодарность?

У него под глазом задергался нерв. Должно быть, ее слова задели его за живое.

– Я изменил бы обстоятельства, если б мог. Я бы...

– Выбор у тебя есть – можешь оставить меня в покое.

– Не могу.

– Как скажешь, Цветочек. Давай просто покончим с этим, ладно? А то у меня от болтовни голова разболелась.

Брови Люсьена поползли вверх.

– Значит, ты позволишь мне забрать твою душу?

– Черта с два. Думаю, ясно дала тебе понять, что буду биться до смерти. Твоей, если ты еще не понял. Здесь и сейчас. Мне уже доводилось убивать бессмертного, поэтому не составит труда сделать это снова.

– Да, Рейес упоминал Айаса. – Люсьен не сделал попытки приблизиться к ней. – Зачем ты его убила?

Анья небрежно пожала плечом, хотя на душе у нее было беспокойно. Воспоминания о стычке с Айасом были не из приятных. Временами ее по-прежнему терзали мысли о том, что могло бы быть, что могло бы случиться.

– Он хотел трахнуть меня, а я не хотела. Он настаивал на своем, вот я и решила украсить его дыркой в груди.

Люсьен щелкнул зубами:

– Надеюсь, ты сделала ему больно.

Она округлила глаза от удивления. Так, минуточку. Бессмертный – к тому же бывший Капитан Гвардии – радуется тому, что она убила элитного воина? Осознание этого поразило ее до глубины души. Наконец кто-то, к тому же посторонний, встал на ее сторону.

– Еще бы, – только и вымолвила она, с трудом подавив внезапно образовавшийся в горле ком.

Люсьен сжал кулаки, и Анье стало интересно, что вызвало такую реакцию, но тут же сочла, что это не важно. Она гордилась тем, что вообще заметила этот жест. Значит, она не пилится все время в прекрасные глаза Люсьена, как влюбленный щенок.

– Все должно было быть совсем не так, – произнес он ровным, безжизненным тоном.

– Ты уже говорил это. Но все так, как есть. Однако я не намерена склониться и покорно принять уготованную мне богами участь только потому, что им захотелось представления и не пришлось по душе, как я себя веду. Не буду я лезть из кожи вон, потому что большой папочка жаден и хочет меня обокрасть.

Взгляд Люсьена стал острее.

– Что он надеется украсть?

Анья поджала губы. Будь проклят ее болтливый язык. Ну конечно, Люсьен зацепился за последние слова.

– Не слушай меня. Я плету всякую чушь, когда напугана. Помнишь, я говорила, что люблю врать?

– Бьюсь об заклад, что ты не боишься ни меня, ни кого-то другого, и сомневаюсь, чтобы на этот раз ты солгала. – Он не дал ей шанса возразить. – Итак, ты не отшивала Кроноса и не изменяла ему?

– Какая разница? – Она накрутила кончик локона на кинжал так, чтобы острие блеснуло на солнце. – Разве это имеет значение для того, что ты собираешься сделать со мной?

– Нет.

– Тогда и отвечать незачем. – Раз он упорно стоит на своем, то и она поступит так же.

Люсьен провел рукой по лицу и внезапно показался Анье чрезвычайно утомленным.

– Думаю, я могу дать тебе день, чтобы попрощаться с теми, кто тебе дорог.

– Ах, как мило, – воскликнула она. Однако ее сарказм длился недолго. Быстро прокрутив в уме короткий список своих близких, она почувствовала укол боли в груди. Мать. Отец. Уильям, ее единственный друг. Если Люсьену удастся ее победить, они, скорее всего, даже не узнают, что с ней приключилось. Будут искать ее, беспокоиться.

– Эта любезность распространяется на все твои жертвы? – поинтересовалась она и мысленно добавила: «Не надо так думать. Ты не жертва и никогда ею не будешь».

– Нет, – снова ответил он.

– Значит, одной мне так повезло?

Его полные губы снова сжались от недовольства. Какие бы страшные шрамы ни покрывали его щеки, ничто не могло отвлечь Анью от любования его прекрасными губами. Наверное, потому, что она знала, какие они на самом деле мягкие. Или потому, что они оставили в ее душе отпечаток, который она будет носить вечно.

– Да, – наконец снизошел Люсьен до ответа.

– Я намерена отклонить твоё щедрое предложение, миленький. Предпочту убить тебя сейчас, чем ждать. Видишь ли, твоё присутствие начинает по-настоящему досажать мне.

Люсьен напрягся и, если бы она не знала, что он (почти) бесчувственный вояка, заподозрила бы, что обидела его.

– И кто теперь грубит? – ровным тоном поинтересовался он.

Уж не решил ли он, что она говорила о его изрубцованном теле? Болван. Однако ответить ему означало бы дать новую пищу для разговора, поэтому Аня сказала:

– Как же мы это сделаем, а? – Она легонько подкинула свои кинжалы, поймала за рукоятки и повертела ими.

Люсьен бросил на нее полный сожаления взгляд, будто говоря, что любое другое действие было бы для него предпочтительнее решающего поединка.

– Только помни. Это был твой выбор – не мой.

– Ты преследовал меня, сладенький. Значит, выбор все-таки твой.

Не успела она договорить, как он материализовался в двух дюймах от ее лица, отчего они едва не соприкоснулись носами. Она ахнула, вдохнув исходящий от него насыщенный аромат роз. Он быстро выбил у нее из руки один кинжал и потянулся за другим.

Первый выпад застал Анью врасплох, но ко второму она была готова. Быстро телепортировавшись ему за спину, с силой врезала ему по затылку. А следовало бы просто вонзить кинжал в спину.

Люсьен качнулся вперед, но быстро восстановил равновесие и повернулся к Анье, прищурив глаза.

– Я видела, как ты убиваешь, – призналась Аня, стараясь, чтобы ее голос звучал без благоговения. – И знаю твои движения. Так что со мной тебе будет непросто справиться.

Она снова перенеслась ему за спину, но теперь он не попался на ее трюк, а обернулся и обхватил за талию в тот самый миг, когда она материализовалась. Ему наконец удалось отнять у нее второй кинжал.

Аня едва не застонала от пьянящего ощущения его объятий, а жестокость происходящего лишь невероятным образом усиливала ее возбуждение. Она задержалась в его руках куда дольше, чем следовало, наслаждаясь ощущением его... эрекции? Ох, детка, да. Так ему тоже по душе эта битва? Интересненько. Забавненько. И восхитительно прекрасно.

– Какой же мой маленький Люсьен сильный! Мне почти жаль, что приходится драться грязно, – посетовала она, ударяя его коленом между ног.

Взвыв, он согнулся пополам.

С губ ее сорвался смешок, и она перенеслась на несколько футов в сторону.

– Плохая, негодная Аня обращалась бы куда нежнее с этой частью твоего тела, если бы ты преследовал ее из других побуждений.

– Женщина, говорю последний раз: я не желаю тебе зла, – проскрежетал он. – Меня принуждают.

Она окинула взглядом свои ногти и зевнула:

– Ты будешь драться или нет? Это становится скучным. Или погоди-ка. Ты всегда такой слабак?

Возможно, ей не стоило дразнить его. Разожги костер – и обожжешься. Мгновение спустя Люсьен оказался рядом с ней и, пнув ее в лодыжку, опрокинул наземь. От удара спиной о землю у Ани перехватило дыхание и закружилась голова.

В следующий миг Люсьен навалился на нее сверху, пригвождая своим весом. Но у Ани оставались свободными руки, и она тут же врезала ему кулаком по носу. Голова Люсьена откинулась назад, из сломанного хряща брызнула кровь. Но через секунду нос выровнялся, а кровотечение остановилось.

Он глянул на нее сверху вниз.

– Ради всего святого, дерись как девушка, – проговорил он, часто дыша и стараясь перехватить ее запястья. Наконец ему это удалось.

Вот так запросто Люсьен ее обуздал. Айас удерживал ее схожим образом, но лишь мгновение. Она сумела быстро сбросить его. А Люсьена столкнуть не получалось, как бы сильно ни старалась. К тому же на этот раз ее переполняла не убийственная ярость, но возбуждение.

– Ты делаешь мне больно, – солгала Аня.

Люсьен совершил ошибку, отпустив ее запястья. Она снова ударила его, на сей раз в глаз. От этого кость треснула, а кожа вокруг распухла – Аня засмеялась; почернела – Аня засмеялась сильнее. Исцелилась – она надула губки.

– Я не дам тебе снова телепортироваться, – процедил он, сверля ее взглядом.

Исходящий от него аромат свежих роз туманил разум Ани, приглашая расслабиться, оставаться на месте и прекратить сопротивление.

Она обмякла под ним и облизала губы. В игру «соблазни меня» можно играть вдвоем. Но вовсе не потому, что это весело, заверила она себя.

– А я и не собираюсь. У меня на уме только одно – как бы обхватить тебя ногами за талию. Его зрачки расширились, и он зарычал.

– Немедленно прекрати. Приказываю тебе.

– Прекратить что? – невинным тоном поинтересовалась Аня.

– Прекрати говорить подобные вещи. И прекрати так на меня смотреть.

– Так, будто хочу съесть тебя на ужин?

Он кратко кивнул.

– Не могу, – ответила она, растягивая губы в усмешке.

– Нет, можешь. И прекратишь.

– Я подчинюсь, только когда ты перестанешь быть таким лакомым кусочком.

От этого знойного обещания мозг ее заработал с удвоенной силой. «Ты боец, Анархия. Ты билась с бессмертными посильнее Смерти. Бросай эти игры».

Освобождаясь от эротического притяжения Люсьена, она воззвала к инстинктам, которые сохранили ей жизнь в самые мрачные дни ее существования, и телепортировалась ему за спину. Лишившись поддержки ее тела, он уткнулся лицом в песок.

«Так и должно быть». Когда он, отплеываясь, поднялся, Аня дала ему хорошего пинка под зад, быстро вернув в лежачее положение. Затем запрыгнула на него, оседлав бедрами, и схватила за челюсть, готовясь свернуть шею.

Но Люсьен тоже телепортировался, перенесшись к пальме, росшей в нескольких футах поодаль. Потеряв равновесие, Аня плюхнулась коленями в грязь. Люсьен не сделал попытки

приблизиться, и она, тяжело отдуваясь, поднялась и стала стряхивать с ног песок. Легкий ветерок был напоен дразнящим, безмятежным ароматом кокосов и соленой воды. Роз.

«Я едва не убила его», – потрясенно подумала она.

– Из этой игры ни один из нас не выйдет победителем, – заметил он.

Она задиристо ухмыльнулась:

– Кого ты пытаешься обмануть? Я определенно выигрываю.

Он ударил кулаком по дереву, и несколько красных плодов упали на землю.

– Должен быть другой способ. Определенно можно как-то обойтись без твоей смерти.

От его горячности у Аньи зазвенело в ушах, а его неожиданное желание попытаться спасти ее отозвалось в ней тупой болью. Она вздохнула. Этот мужчина способен за считанные секунды перебрасывать ее из одного эмоционального состояния в другое.

– Если подумываешь подать прошение Кроносу, говорю сразу: не стоит. Он не передумает, а тебя накажет за намерение.

Люсьен широко раскинул руки – истинная картина раздраженной мужественности.

– Почему он сам не может тебя убить?

– Вот его об этом и спроси. – Она пожала плечами, будто не знает ответа.

– Анья, – предупредительным тоном произнес Люсьен. – Скажи мне.

– Нет.

– Анья!

– Нет!

Она могла бы телепортироваться к своим ножам, но не сделала этого. Или к Люсьену – но и этого тоже не сделала. Она просто выжидала, гадая, что он дальше скажет или сделает.

Он вздохнул, точно подражая ей, и опустил руки.

– Что же нам со всем этим делать?

– Займемся сексом? – дерзко предложила Анья, намереваясь тем самым подразнить, подшутить над ним, ненавидя себя за то, что кинулась бы к нему, если б только он немного поощрил ее. «Какая же я жалкая».

Люсьен побелел, словно она ударила его.

Раздражаясь, Анья провела языком по зубам. Неужто мысль о том, чтобы снова ее поцеловать, так ему отвратительна?

– За что ты ненавидишь меня? – не сдержавшись, выпалила она. Проклятье. Она говорит пристыженно, как женщина, не заслуживающая любви. «Прости, мама». Дисномии стоило получше учить свою дочку.

– Я тебя вовсе не ненавижу, – мягко признался Люсьен.

– Что, правда? А выглядишь так, будто тебя тошнит от мысли опять притронуться ко мне.

Люсьен криво усмехнулся в ответ, но тут же снова посерьезнел. Анья едва благоговейно не опустилась на песок. Наконец-то он улыбнулся. Ей бы следовало догадаться, что это будет чувственно, и мощно, и грешно. Наркотически. Ей тут же захотелось еще. Его улыбка не уступала солнцу по лучезарности.

– Тем не менее у меня эрекция, – лукаво сообщил он.

Ладно. Кто этот мужчина такой? Сначала улыбается, а теперь еще и дразнит ее. Кровь у нее в жилах вскипела, соски затвердели снова.

– Мужчине не обязательно должна нравиться женщина, которую он хочет. – Люсьен открыл было рот, чтобы ответить, но Анья его опередила: – Просто молчи, ладно? Я не желаю слышать твоего ответа. – Она знала, что он разрушит охвативший ее счастливый настрой. – Стой, где стоишь, и будь паинькой, пока я думаю.

– Ты намеренно стараешься спровоцировать меня, не так ли?

Верно. Как бы это ни было глупо с ее стороны. Ему приказали нанести ей смертельный удар, и каждый раз, подстрекая его, она, вероятно, немного облегчала ему задачу. Но сдержаться все равно не могла. Эта улыбка...

– Что – ответа нет?

– Такого, которым бы хотела поделиться, нет.

Почему, даже просто стоя у пальмы, Люсьен выглядит таким сексуальным? Солнце ласкает его своими лучами, как любовница, образуя ангельский нимб вокруг темноволосой головы. Да, ангельский. В этот момент он казался Анье падшим ангелом, учащающим ее пульс и заставляющим трепетать внутренности.

Почему они не могли быть просто мужчиной и женщиной?

Почему он не хочет ее так, как она его?

Почему ее одержимость им не пропадает теперь, когда он вот-вот лишит ее жизни?

– Ты все усложняешь.

– Может, все же нарушишь правила, а? Ради меня? – спросила она, взмахивая ресницами. – Неужели не окажешь мне эту малюсенькую-прималюсенькую услугу? Ты же у меня в долгу.

– Нет, не могу, – ответил он без секундного колебания, выводя ее из себя еще сильнее. Мог бы хоть ненадолго задуматься. Мерзавец. Она нахмурилась.

– Даю тебе еще один шанс согласиться. Тогда мы будем квиты и сможем начать с чистого листа.

– Прости, но я снова должен отказать тебе.

Отлично. Значит, остается только один способ положить конец этому помешательству.

Анья телепортировалась-таки к своим кинжалам. А потом к Люсьену. Его глаза изумленно распахнулись, когда она материализовалась прямо перед ним. Одним клинком она полоснула его по горлу, и, пока он хватал ртом воздух, развернулась и ударила рукояткой второго кинжала в висок, чтобы лишит сознания.

Контакт.

Вот только сознания он не лишился, а со стоном упал на колени. Не важно. Результат получился тем же самым. Огорченная, что дошло до такого, Анья крутанула кинжалы в ладонях, нацелив лезвия прямо на Люсьена.

Руки у нее задрожали, когда она взглянула на его голову. Все внутри ее вопило, заклиная не делать этого, но тем не менее она скрестила кинжалы. Есть лишь несколько способов убить бессмертного, и отсечение головы – один из них. «Сделай это... иного пути нет...» Она уже поднесла лезвия к его шее, оставалось лишь свести запястья вместе. «Сделай это, пока он не телепортировался!»

О, боги, боги! Она действительно это сделала. Замахнулась, чтобы убить его. Однако вместо плоти полоснула кинжалами воздух.

Люсьен исчез.

Огорчение и облегчение боролись в душе Аньи. Не успела она ничего больше предпринять, как сильные пальцы тисками впились ей в плечи, заставив повернуться. Жаркие губы прижались к ее рту, заставив его раскрыться и похищая дыхание.

Язык Люсьена проник в ее рот в яростном поцелуе, который даже через тысячи лет будет преследовать ее во сне и наяву. Живую или мертвую. Этот поцелуй был и блаженством и агонией. Раем и адом. Как восхитительно ощущать его вкус, его силу и жар, и желать большего!

– Люсьен. – Задыхаясь и постанывая, она потянулась к нему, уронив оружие, мешающее ощутить ладонями его кожу.

– Ни слова больше. Поцелуй меня, как раньше.

Его пыл возбуждал ее еще сильнее. Очевидно, танцевать для него и вешаться ему на шею было недостаточно, чтобы возбудить его. Для этого ей едва не пришлось совершить убийство.

Обхватив ее руками за талию, он с силой прижал ее к своему жаркому телу и принялся тереться набухшим пенисом о сочащуюся влагой желания развилку у нее между бедер, и оба не сдержали стога наслаждения.

Анье хотелось запрыгнуть на него и проглотить без остатка. Вынужденная сдерживать свои порывы, она ограничилась тем, что вцепилась ему в волосы и наклонила голову, углубляя поцелуй. Часть ее сознания подозревала, что Люсьен делает это для отвлечения внимания, но он не пытался подобраться к ее горлу, а продолжал целовать, неистово действуя языком, словно никак не мог остановиться.

Ее соски так затвердели, что, наверное, по остроте уподобились кинжалам, которые она отбросила вместе с последними крупными здравыми смыслами.

– Люсьен, – снова простонала она, собираясь потребовать, чтобы он снял с нее корсет. Как же отчаянно она жаждет ощутить прикосновение его тела кожа к коже. Глупо, очень глупо допускать подобное, но сейчас это для нее дороже собственной свободы. – Люсьен, мой топ...

На этот раз ее голос, похоже, разрушил некое довлеющее над ним заклятие, и он отпрянул от нее. Лишенная его поддержки, она едва не упала лицом вниз, как ранее он.

– Что ты делаешь? – выпрямляясь, потребовала она объяснений.

– Я сейчас не могу мыслить трезво. – Тяжело дыша, Люсьен попятился прочь. – Мне надо уйти от тебя.

В его глазах ей виделся гневный блеск: темный, неистовый и угрожающий. По ее позвоночнику пробежала дрожь страха. Страх и еще более сильного возбуждения.

«Что со мной творится?»

Люсьен же предупреждал, чтобы не злила его, потому что иначе может случиться что-то плохое. Что ж, он говорил правду. Она каким-то образом разозлила его, и он перестал ее целовать. Ничто не могло быть хуже этого.

– Ты собираешься покинуть меня вот так? Даже не доведя до оргазма? – Упс. Она хотела, чтобы ее слова прозвучали развязно, а не умоляюще. На деле же едва не скулит! И задыхается к тому же.

Взгляд Люсьена еще сильнее потемнел.

– Мы встретимся снова, Анья. Скоро.

С этим зловещим обещанием он исчез.

Глава 4

Позже той ночью, сопровождая три людских души на небеса, Люсьен пребывал в растерянности. Это чувство не оставляло его и когда жемчужные ворота широко распахнулись, приоткрывая золотые улицы с фонарями, инкрустированными драгоценными камнями, изогнутыми, напоминающими усыпанные бриллиантами облака. С двух сторон выстроились ангелы в белых одеждах, распевающие приветственные гимны под плавные взмахи белых крыльев.

Как только души переступили порог рая, ворота захлопнулись, оставив Люсьена снаружи, и воцарилась тишина.

Он по-прежнему пребывал в растерянности. Обычно красота и умиротворенность рая рождали в его душе вспышки зависти и негодования, поскольку ему туда вход заказан. Сегодня же ему на это плевать. Аня безраздельно царит в его мыслях, и он не представляет, что ему с ней делать.

Люсьен телепортировался в свою комнату в крепости Буды, материализовавшись в изножье кровати. Он оставался недвижим, поглощенный мыслями и беспорядочными эмоциями, которых не должен был испытывать. Когда дело касалось Смерти, он досконально знал последствия колебаний. Но сегодня он не только колебался, он едва не занялся любовью с намеченной жертвой. С энтузиазмом погружал язык ей в рот, ласкал ее. У него была возможность прикончить ее, и, черт подери, так и следовало поступить.

– Какой же я глупец, – пробормотал он.

Аня весьма недвусмысленно собиралась его убить. А он развернул ее к себе, увидел, как со вздохом приоткрылись ее блестящие красные губы, почувствовал ее теплое дыхание на своей коже, вдохнул аромат клубники со сливками, услышал урчание своего демона – и его с головой захлестнула волна похоти, какой он никогда не испытывал прежде.

Как он может желать Аню сильнее, чем когда-либо хотел Мэрайю – женщину, которую любил?

Как?

Аня едва не убила его, а он подумал, что не готов умереть, не поцеловав ее еще раз. Больше его ничто не заботило. Только ее губы. Ее тело. Она.

Аня использовала его, чтобы расстроить планы Кроноса, и призналась в этом, отчего собственное желание представлялось Люсьену еще более глупым. Однако против поцелуя не возражала. Наоборот, она, похоже, наслаждалась им и желала большего.

– Проклятье, – выругался он, шагнув к стене и ударив по ней кулаком.

Камень треснул, окутав Люсьена облаком пыли, затуманившим зрение. Ощущение оказалось таким приятным, что он врезал снова, так что костяшки пальцев хрустнули и запульсировали от боли. «Расслабься. Немедленно».

Гнев никогда не приводил ни к чему хорошему.

Медленно выдохнув, Люсьен обернулся и осмотрел свою спальню, с удивлением осознавая, что наступило утро. Со всеми этими телепортациями он позабыл о разнице во времени. В единственное в комнате окно лился солнечный свет. Скорее всего, все воины, за исключением Мэддокса и Торины, уже отправились к местам назначения в Грецию и Рим. «И мне нужно поступить так же. С Аней можно разобраться позже, когда от ее вкуса и прикосновений перестанет кружиться голова».

Люсьен прошел к платяному шкафу, заметив на туалетном столике три вазы с белыми зимними цветами, источающими медовый аромат. Вчера их здесь не было, значит, их утром принесла Эшлин. Милая, добросердечная Эшлин, наверное, решила таким образом скрасить ему день, но вид цветов вызвал у него в груди острую боль.

Мэрайя, бывало, собирала цветы и вплетала их себе в волосы.

Его дверь внезапно распахнулась, и торопливо вошла Эшлин. На ее красивом личике застыло выражение тревоги. Мэддокс, как всегда, следовал за ней по пятам тенью мрачной угрозы и смертельной грации, держа наготове два кинжала.

– Все в порядке? – увидев Люсьена одного, спросила Эшлин.

Ее светло-каштановые волосы струились по плечам и рукам, сцепленным вместе от волнения? Из-за него?

– Мы шли по коридору и услышали стук.

– Все отлично, – заверил он ее, глядя при этом в прищуренные фиалковые глаза Мэддокса и мысленно приказывая: «Уведи ее отсюда. – Он не хотел обидеть чувства Эшлин. – Я сам не свой».

Люсьен в самом деле был опасно близок к утрате остатков своего легендарного самоконтроля. В каждой черточке лица отпечаталось напряжение.

Мэддокс понимающе кивнул.

– Эшлин, – положил он руку любимой на плечо. – Люсьен готовится к путешествию в храм. Давай не будем ему мешать.

Она не сбросила руки воина. Наоборот, прильнула к нему. Но с места не сдвинулась. Ее пристальный недоверчивый взгляд блуждал по лицу Люсьена.

– Не выглядишь ты на отлично, – заметила она.

– Все хорошо, – солгал он, размышляя о том, кому можно довериться. Нагнувшись, поднял за ручки дорожную сумку и бросил ее на кровать.

– У тебя же рука вся в крови, а кости... Боже мой.

Хмурясь, Эшлин подалась вперед, но Мэддокс схватил ее за запястье, останавливая. Даже будучи одержимым демоном Насилия, со своей женщиной он вел себя очень нежно, до смешного покровительственно и собственнически.

– Мэддокс, – раздраженно воскликнула Эшлин, – я просто хочу посмотреть, насколько сильно он ранен! Возможно, нужно вправить кости.

– Люсьен исцелится, а тебе нужен отдых.

– Отдых, отдых, отдых. Я на четвертой неделе беременности, а не на смертном одре.

Гордая парочка сообщила эту новость несколько дней назад. И тогда и сейчас Люсьен был счастлив за них, но не мог не гадать, каким будет потомок одержимого демоном воина и смертной женщины со сверхъестественными способностями. Полудемоном? Демоном? Полностью смертным? Некогда подобные мысли возникали у него касательно его собственного ребенка. Его и Мэрайи. Но он потерял ее прежде, чем они смогли решиться на такой шаг.

– Твой мужчина прав, – сказал он. – Я в порядке.

Эшлин лучилась решительностью и не сводила своих больших карих глаз с Люсьена. Добросердечность добросердечностью, но еще она ужасно упряма!

Эшлин выросла в научной лаборатории, ее изучали и использовали ее уникальную способность, которой она лишь недавно научилась управлять. Где бы ни оказалась, она слышала все разговоры, что происходили в этом месте, невзирая на то, сколько с тех пор минуло лет. Однако она не могла слышать прошлых бесед Люсьена и других бессмертных, что, должно быть, очень ее раздражало, особенно когда хотелось получить интересующие ее ответы.

– Уже пошли слухи о тебе и женщине из клуба, – невинно моргая, сообщила Эшлин. – Кто она?

– Никто. – Кроме того, что стала новым центром его вселенной. «Анья, прекрасная Анья». Он с силой прижал руки к бокам. Его возбуждает даже ее имя, заставляя кровь бурлить, а тело напрягаться в предвкушении полового акта. «Она не для тебя». – Воинам не пристало сплетничать.

Наверняка рядом с Аньей он выглядел глупо. Она – олицетворение истинной женственности, а он – уродливое чудовище. Все же он то и дело представлял, как запускает пальцы ей

в волосы, как переплетаются их тела, как его плоть погружается в нее. Сильно, быстро. Медленно, нежно.

«Милашка какая», – внезапно зарычал Смерть.

Люсьен удивленно заморгал. Обычно демон проявлялся в побуждениях, а не словами, он всегда был его частью, но держался отстраненно. Почему он заговорил сейчас, Люсьен не ведал. Все же решил ответить: «Да, так и есть».

Он видел Анью четыре раза. Четыре раза говорил с ней. На протяжении нескольких последних недель ощущал ее аромат. Она завладела каждой клеточкой его тела, его мыслями, желаниями, устремлениями куда сильнее, чем кто-либо прежде, даже его возлюбленная Мэрайя.

«Хочешь ее», – снова подал голос Смерть.

«Да».

«Так поимей ее, сладенькую, прежде чем мы уьем ее».

«Нет!» – мысленно вскричал он и почувствовал, как демон порабощает его, пытается заставить найти Анью.

Он уперся ногами в пол.

«Еще не время».

– Люсьен, – напомнила о себе Эшлин, и он почувствовал, как внутреннее давление ослабевает. – Я-то не воин, поэтому могу и посплетничать. Ты целовал ее. Все говорят, что видели тебя...

– Я в порядке, а та женщина не заслуживает внимания, – соврал он.

Боги, опять. Обычно он презирал ложь. Потянулся было, чтобы ущипнуть Эшлин за нос, но, услышав предупредительный рык Мэддокса, опустил руку. Мэддокс не любит, когда кто-то прикасается к его женщине. Впервые Люсьен понял его чувства. Ему самому была невыносима мысль о том, что другие мужчины трогают Анью.

«Идиот». Эта женщина с улыбкой на красивом личике – истинный манипулятор, и Люсьен готов биться об заклад, что, как и у ее матушки, у Аньи было бесчисленное множество любовников. Он не знал, использовала ли она их для удовольствия или ради обретения могущества. И незачем ему знать.

Что, если прямо сейчас она соблазняет другого, пытаюсь тем самым заручиться защитой от него, Люсьена?

Зарывав, он развернулся и, снова шагнув к стене, стал наносить удар за ударом, не обращая внимания на пульсирующую боль в костяшках пальцев. Краем глаза он заметил, как Мэддокс укрыл собой Эшлин.

«Что ты творишь? Анья вполне может сама о себе позаботиться. Ей для защиты не нужен мужчина».

Возможно, она сейчас в одиночестве на пляже и испытывает ту же нужду и растерянность, что и он. При этой мысли гнев его поутих, зато плоть невероятно затвердела. Но, как бы Люсьен себя ни убеждал, все же знал, что женщина вроде Аньи не захочет мужчину со шрамами вроде него. Не по-настоящему. Какими бы жаркими ни были ее поцелуи. Сколько женщин отвернулось от него за минувшие столетия? Сколько съезилось от страха при его приближении?

Несчетное количество.

И его это вполне устраивало – до настоящего времени.

Глубокий вдох, глубокий выдох.

– Как Торин? – спросил он, чтобы сменить тему разговора, и двинулся к кровати. – Не нравится мне, что он так медленно исцеляется.

Эшлин оттолкнула Мэддокса в сторону, и крупный воин нахмурился, но пустил ее.

– Полагаю, я поняла, почему он не восстанавливается так же быстро, как все вы. Он ведь Болезнь, правильно? Ну, я думаю, что клетки его организма поражены этим недугом. Им приходится сражаться и с вирусом, и с раной. Как бы то ни было, прогресс налицо. Он уже сам ест.

– Хорошо. Вот это хорошо. – Люсьен все еще чувствовал вину из-за пережитого Торинном нападения. Ему бы следовало быть там. Почувствовать боль Торина.

Если бы пробравшиеся в крепость охотники не дотронулись до кожи Торина, заражаясь чумой и умирая быстрой мучительной смертью, Торин погиб бы. Люсьен полагал, что принял все необходимые меры предосторожности, поскольку предпочитал, чтобы горло порезали ему, а не кому-то из его друзей. Однако эти меры не помогли.

– А как Аэрон?

– Ну... – Эшлин запнулась. Вздохнула. Прикусила губу. – С ним не все хорошо.

– Его жажда крови так велика, что он начал царапать когтями самого себя, – печально произнес Мэддокс. – Мои слова не проникают в его мрачные мысли.

Люсьен помассировал себе шею сзади.

– Вы тут вдвоем справитесь?

– Да. – Мэддокс обнял Эшлин за талию. – Торин в состоянии вести видеонаблюдение территории на компьютерах, а теперь, когда мое проклятие смерти снято, – добавил он, притягивая свою женщину ближе, – я могу выходить в любое время, чтобы защитить нас или доставить необходимые вещи.

Люсьен кивнул:

– Хорошо. Я вам сообщу о наших находках. – Подхватив сумку, он обернулся через плечо и сказал: – Спасибо за цветы, Эшлин.

Не добавив больше ни слова, он телепортировался на Киклады⁵.

Серебристые каменные стены исчезли, сменившись белой штукатуркой. Дом, который он недавно арендовал и обставил, был просторен и светел, с возвышающимися белыми колоннами и тонкими тканевыми драпировками на окнах.

Бросив сумку, Люсьен вышел на ближайшую террасу, с которой открывался вид на водную гладь, самую чистую из всех, когда-либо им виденных. Море спокойно, никаких волн – нет даже ряби. Солнце щедро льет на землю свет – уже наступил полдень – а буйные зеленые кусты с яркими красными цветами обрамляют особняк.

Возможно, им с воинами следовало поселиться в Афинах или на Крите, чтобы быть ближе к разыскиваемому ими древнему храму, но на островах больше возможностей для уединения. Туристов мало и еще меньше местных жителей.

– Чем меньше, тем лучше, – пробормотал Люсьен.

Он плохо помнил свою жизнь здесь тысячи лет назад, так что не мог сравнить прошлое с настоящим. Те дни были мрачными, наполненными воплями, болью и деяниями столь злыми, что он не желал сохранять их в памяти.

«Теперь я другой».

А чувствует себя так, словно вот-вот совершит свой самый зловещий поступок. Уничтожит Анью. «Не думай о ее смерти. Не сейчас».

«Тогда о чем же мне думать? – задался он вопросом, глядя на кристальную воду. – Понравился бы ей этот вид?» Вдыхая, он потер подбородок и понял, что ему по-настоящему любопытно узнать ответ.

«Не важно. Не придавай значения».

---

⁵ Киклады – архипелаг в южной части Эгейского моря в составе территории Греции.

Он заставил себя посмотреть налево – «не думай об Анье!» – и залюбовался новым зрением: изумрудные горы в пене фиолетовых и белых кружев. Поистине это величайшее творение богов.

«Нет, таким творением является Анья».

Люсьен стиснул зубы. Что ему сделать, чтобы выбросить ее из головы? На самом деле ему хочется раздеть Анью прямо здесь, на террасе, и прислонить ее обнаженное тело к железной ограде, чтобы солнечные лучи ласкали ее так, как намеревался сделать он. Он бы касался ее столь умело, что она позабыла бы о его обезображенном шрамами лице. Он доводил бы ее до экстаза снова и снова, а она выкрикивала бы его имя, отчаянно моля о большем.

Так отчаянно, что забыла бы всех мужчин, с которыми спала, и думала бы только о Люсьене. Вождедела только Люсьена.

Шанс того, что это случится, так же ничтожен, как и вероятность вернуть его лицу прежнюю красоту. Не то чтобы ему этого хотелось. Он заслужил каждый свой шрам. Теперь они сделались частью его, как постоянное напоминание о том, что любовь к женщине влечет за собой боль и страдания.

Подобное напоминание сейчас требовалось Люсьену как никогда.

Он решил не прогонять прочь мысли о смерти Аньи. Ее образ будет преследовать его, пока не найдется какой-то выход. «Давай уже, прикончи ее». Как он должен ее убить? Он не хочет причинять ей боль, так что убить ее следует очень быстро. Когда стоит это сделать? Ночью, пока она будет спать? У него забурлила желчь. Что именно предпримут титаны, если он не справится? Нашлют на него безумную жажду крови, как на Аэрона? Или уничтожат его друзей, одного за другим? При этой мысли он ощутил укол ярости.

Люсьен вынул из кармана один из леденцов, снял обертку и понюхал. Мгновенно возникшее от клубничного аромата возбуждение смгло гнев. Зачем он совершает глупости? Гнев вернулся, но теперь обрушился на него самого.

Нахмурившись, он выкинул конфету за ограждение и услышал всплеск, когда та ударилась о воду. По спокойной мгновение назад поверхности пошли круги.

Позади него открылась и закрылась дверь, послышались мужские голоса и сдерживаемый смех. Люсьен равнодушно обернулся и увидел Париса, высокого, бледного и совершенного, лучащегося сексуальным удовлетворением. Ясно как день – он только что переспал с женщиной.

Рядом с ним Аман, молчаливый, мрачный и с трудом сдерживающий невысказанные секреты.

Страйдер, чье нечеловечески прекрасное лицо светилось весельем, толкнул Гидеона в плечо.

– Да ты ревнуешь! – воскликнул он.

– Не освистывайте актера! – воскликнул Парис, расплываясь в улыбке. – Не моя вина, что обе стюардессы захотели удовлетворить мои потребности прямо в воздухе.

Люсьен шагнул внутрь просторного дома и тут же почувствовал, как дневной зной сменяется прохладой.

– Мы оплатили частный самолет, а не частные постельные забавы для Париса.

Все четверо воинов выхватили оружие, когда его голос врезался в их беззаботную болтовню. Поняв, кто говорит, они расслабились. Даже заулыбались.

– «Частные» – неподходящее слово, – возразил Страйдер, сверкнув синими глазами. – Они развлекались прямо у нас на глазах. Но я не жалуюсь. Фильм был препаршивым, так что их представление меня весьма позабавило.

Люсьен закатил глаза, изо всех сил стараясь не выказывать зависти.

– Осмотритесь пока. Выберите себе спальни.

Так как способностью к телепортации обладал только Люсьен, он единственный бывал здесь раньше, но еще не занял никакой комнаты, потому что хотел предоставить другим право выбора. Сам же удовольствуется тем, что останется.

Побросав вещи, мужчины занялись осмотром новых временных «берлог», как сказал бы Парис.

– Мило, – констатировал Парис, подобрав себе спальню в дальней части особняка. – Девчонкам однозначно понравится.

– Дерьмо, – возразил Гидеон, но его, как обычно, проигнорировали, зная, что все сказанное им – ложь. Он выбрал комнату ближайшую к входной двери.

– Как долго ты тут пробыл? – поинтересовался Страйдер, возвращаясь в гостиную.

– Всего пару минут.

– Как тебе это удалось?

Люсьен и Страйдер воссоединились лишь месяц назад, поскольку последний примкнул к оставшейся в Греции группе, чтобы сражаться с охотниками, после того как воины Люсьена отбыли в Будапешт. С тех пор прошли сотни лет, и сейчас они знакомились заново.

– Раньше нас ты не вылетел, да и на нашем рейсе тебя тоже не было.

Парис положил руку на широкие плечи Люсьена.

– Наш приятель проделал маленький фокус под названием «телепортация». – И он пустился в объяснения о способности Люсьена переноситься в мир духов и в мгновение ока перемещаться с места на место. – Научился этому через несколько лет после переезда в Буду.

Прежде Люсьен не обладал достаточным контролем над демоном, чтобы в должной мере овладеть этим умением.

Страйдер кивнул, явно впечатленный:

– Классная штука. Почему же тогда ты не перенес всех нас?

Парис снова ответил за Люсьена:

– Во время прошлой телепортации Рейес заблевал ему всю рубашку. Я никогда так сильно не смеялся. А вот у Люсьена с чувством юмора совсем туго, потому он зарекся перемещать нас снова.

– Странно, что ты не упомянул о том, как сам плюхнулся в обморок, – криво усмехнулся Люсьен.

Страйдер фыркнул:

– Чувак, ты упал в обморок? Ну что за дите! Черт, гляньте-ка туда, – без всякого перехода воскликнул он, заметив открывающийся с террасы вид. – Похоже на Олимп.

– Эй! – бросив в сторону Люсьена хмурый взгляд, сказал Парис. – Я же тебе говорил, что по пути ударился головой.

– Это не делает тебя меньшим дитем, – бросил через плечо Страйдер. Сжав ладонями ограждения террасы, он подался вперед. – Сколько бы я ни обозревал это место, каждый раз как первый.

Парис все не унимался:

– Давай-ка посмотрим, как ты сам отреагируешь на телепортацию, Поражение. Готов поспорить, что ты...

– Хватит! – взмахом руки оборвал его Люсьен.

Парис понял, что Страйдера лучше не провоцировать. Стоило тому вступить в поединок, будь то драка на ножах, бокс или любая другая игра, в случае проигрыша он страдал от сильнейшей, невыносимой боли. Нечего и говорить, что он старался выигрывать во всем.

– У нас есть работа.

– Работа – дерьмо, – заявил Гидеон.

Люсьен не обратил на него внимания.

– Прежде всего надо обеспечить безопасность дома на случай, если охотникам удастся нас выследить. После этого будем готовиться к завтрашней вылазке.

С первым они справились за час, разместив датчики на окнах и по периметру здания. Снова собравшись в гостиной, все оказались сильно вспотевшими.

– По моей просьбе Торин кое-что проверил перед нашим отъездом, – сказал Парис, вытаскивая оружие из сапога и кладя его на ближайший столик. – Он считает, что храм, который мы собираемся исследовать, называется храмом Всех Богов. Слышали о таком?

Люсьен покачал головой. Аня не упоминала названий. Аня... Он провел языком по зубам, чувствуя, как закипает кровь. От вождления к женщине и от ярости к желавшему ее смерти богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.